

СТАТЬИ

Г. Л. КУРБАТОВ, В. И. РУТЕНБУРГ

ЗИЛОТЫ И ЧОМПИ

С давних пор Византийская империя, будучи средиземноморской балкано-малоазийской державой, играла роль «золотого моста», связывавшего страны Запада с Юго-Восточной Европой и Азией. Взаимные непосредственные связи Византии со странами Западной Европы общеизвестны. Достаточно обратиться к эпохе Юстиниана и византийского владычества в Италии, к истории Равеннского экзархата, а затем ко времени крестовых походов вплоть до создания Латинской империи на территории Византии, чтобы отвергнуть мысль об изолированном и независимом развитии Византии и государств Западной Европы. Признание этой зависимости отнюдь не противоречит тому факту, что отдельные византийские институты в Италии, как и некоторые институты Латинской империи в Византии, не соответствовали специфике местного развития, что и привело, в конечном итоге, наряду с другими причинами, к их гибели. Это не противоречит также тому факту, что Византия в целом сохраняла на протяжении многих веков яркое своеобразие по сравнению со всеми остальными странами Западной Европы, вместе взятыми.

Говоря о взаимном влиянии между Византией и Западной Европой, следует учитывать, что до XI—XII вв. имело место отчасти экономическое, а в еще большей мере культурное превосходство Византии над западноевропейскими странами, сменившееся затем возрастанием экономического и культурного превосходства над Византией стран Западной Европы, прежде всего Италии.

Италия XII—XIV вв. была в области экономики более развитой страной и воздействовала в достаточной мере непосредственно на дальнейшее развитие ремесла и торговли в Византии, однако было бы ошибочным говорить о прямом влиянии социально-политических отношений в Италии на эволюцию социальных отношений и ход классовой борьбы в Византии.

Между тем крупные движения в городах Италии XIV в. и мощный подъем народных движений и городских восстаний в Византии этого времени (знаменитая фессалоникская «коммуна» 1342—1349 гг., явившаяся апогеем острой социальной борьбы в Византии) давно наводили исследователей на мысль об определенном сходстве и о наличии прямой взаимосвязи между городскими движениями в Италии и Византии. Высказывалась мысль о прямом воздействии, благодаря экономическим связям и постоянному общению, итальянских городских движений на византийские, в частности — о влиянии хронологически непосредственно предшествовавшего фессалоникскому восстанию движения 1339 г. в Генуе. Пожалуй, наиболее четко эта точка зрения была сформулирована Ш. Ди-

лем: «В 1339 г., — писал он, — в Генуе вспыхнула народная революция и аристократическое правительство было свергнуто. Это событие нашло серьезный отклик в византийском мире; он должен был быть особенно значительным в Фессалонике, где имелась большая генуэзская колония. Пример не прошел даром»¹.

Следует заметить, что впервые это мнение в развернутой форме было высказано еще О. Тафрали². Этот прогрессивный для своего времени представитель буржуазной историографии, впервые попытавшийся оценить роль и значение μέσοι («средних») в фессалоникском движении, готов был усматривать в зилотах представителей буржуазии, и поэтому ему, видимо, казалось несомненным, что «буржуазное» движение в передовых городах Италии было подхвачено византийской «буржуазией». Работа О. Тафрали дала толчок исследованиям, пошедшим в двух направлениях. С одной стороны, с его легкой руки в последующих работах стали переоценивать буржуазно-прогрессивный характер движения зилотов, а вместе с тем — и уровень социально-политического развития Византии. Поэтому и поныне в зарубежной литературе порой утверждается, что социальная структура фессалоникского общества была такой же, как и структура западноевропейского накануне великой французской революции³. С другой стороны, изучение представителями более демократического направления в историографии роли народных масс в движении привело к тому, что некоторые прогрессивные исследователи пытались противопоставить «пролетариат» буржуазии и усматривали в движении сильные пролетарско-демократические тенденции. Оценивая размах народного движения в Фессалонике, И. Кордатос считал, что по своему «народно-демократическому» характеру оно выгодно отличается от итальянских движений. «В итальянских городах, — писал он, — борьба носила чисто политический характер, тогда как движение зилотов с самого начала приняло характер социальный»⁴. И. Кордатос подчеркивал разнотипность этих движений, однако он не отрицает и того, что генуэзское восстание сыграло роль примера.

Изучение народной струи в движении в конечном счете толкнуло представителей реакционной историографии к пересмотру взглядов на движение зилотов как на «славную борьбу» поднимающейся буржуазии и к новому выводу о том, что оно было чуть ли не коммунистической революцией (*un véritable régime communiste*)⁵. Все это чрезвычайно важно для понимания того, почему в историографии встал вопрос о сопоставлении фессалоникских событий с другим крупным социальным движением в Италии XIV в. — восстанием чомпи⁶.

Первым с критикой тезиса о решающем влиянии революционных движений в городах Италии XIV в. на городские движения в Византии выступил представитель марксистской историографии А. К. Бергер, опубли-

¹ Ch. Diehl. Les Journées révolutionnaires byzantines. — «La revue de Paris», № 21, 1 Nov., 1928.

² O. T a f r a l i. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913, p. 256. Значение итальянского влияния было признано и Ф. И. Успенским («История Византийской империи», т. III. М. — Л., 1948, стр. 712-сл.).

³ См., например, A. V a c a l o p o u l o s. A History of Thessaloniki. Thessalonique, 1963, p. 53. Ф. И. Успенский, не имея четкой точки зрения на характер движения зилотов, тем не менее квалифицировал его как «попытку якобинского переворота».

⁴ I. K o r d a t o s. Η Κομμούνια της Θεσσαλονίκης (1342—1349). Αθήναι, 1928, σελ. 57.

⁵ См., например, рецензию: R. J a n i n. A. Vacalopoulos (Apostolos E.). A History of Thessaloniki... — REB, XXII, 1964, p. 303.

⁶ Как справедливо отмечает М. Я. Сюзюмов, до сих пор еще значительная часть исследователей рассматривает фессалоникские события в свете аналогии с борьбой в итальянских городах, пытается оценивать зилотов как представителей popolo minuto, а их противников — как popolo grasso (К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 24).

ликовавший рецензию на упомянутые работы Ш. Дилля и И. Кордатоса⁷. Он справедливо полагал, что не может быть и речи о сколько-нибудь решающем влиянии событий в Италии (прежде всего в Генуе) на возникновение и развитие борьбы в Фессалонике⁸. Совершенно основательно исходя из того, что движение в Фессалонике определялось прежде всего внутренними причинами, А. К. Бергер в то же время не отрицал и возможности некоторого чужеземного влияния, если оно определялось сходством условий. Это сходство он усматривал, опираясь преимущественно на историографию вопроса и в значительно меньшей мере — на самостоятельное изучение характера социально-экономических отношений в Византии. Не удивительно поэтому, что восстание зилотов он оценил как «демократическую революцию»⁹ и впервые сравнил его уже не с генуэзскими событиями, а с восстанием чомпи в Италии. В связи с этим он по существу впервые поставил также вопрос о влиянии событий в византийских городах на итальянские и западноевропейские. А. К. Бергер считал Византию XIV в. более передовой страной и поэтому писал, что «сама фессалоникская революция бросает новый свет на революционно-демократические движения в итальянских торгово-промышленных городских республиках в XIV веке, которым посвящалось немало исследований, особенно восстание чомпи во Флоренции»¹⁰. По мнению А. К. Бергера, движение зилотов «представляет собой факт для понимания социально-экономической эволюции Европы, гораздо более, по-видимому, значительный, чем восстание чомпи...»¹¹.

Тезис А. К. Бергера о решающем значении внутренних причин и ограниченности влияния итальянских городских движений на возникновение и развитие фессалоникских событий способствовал более основательному изучению внутренних предпосылок движения 1342 г. Оказалось, что по уровню своего социально-экономического развития Византия отнюдь не опережала Италию; следовательно, итальянские движения вполне могли послужить примером для византийских, причем движения более ранние и менее «развитые» (восстание в Генуе), чем более поздние (восстание чомпи). Эта точка зрения нашла отражение в «Истории Византии» М. В. Левченко: «...программа зилотов в Фессалонике создавалась под влиянием тесного и непрерывного соприкосновения с горожанами итальянских республик, особенно Генуи, где в 1339 г., используя недовольство народных масс чрезмерным налоговым обложением, часть купечества произвела государственный переворот, свергнув господство патрицианской олигархии. Преувеличивая демократизм итальянских республик, зилоты думали, что расцвет этих республик, развитие в них торговли и промышленности, рост их экономического и политического могущества — все это было обусловлено победой свободного республиканского строя, отстранением аристократии от политической власти и ограничением прав духовенства. Движение зилотов было несомненно навеяно опытом итальянских городов, и их программа была программой итальянских «пополанов» (курсив наш. — Г. К., В. Р.)¹².

Таким образом, в работе М. В. Левченко был поставлен вопрос если не о сходстве движения в Фессалонике с восстанием чомпи во Флоренции,

⁷ А. Бергер. Демократическая революция в Византии XIV века. — «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», V. М.—Л., 1930, стр. 447—456.

⁸ Там же, стр. 451.

⁹ Следует отметить, что и Ф. И. Успенский (указ. соч., стр. 713) в конечном счете рассматривал фессалоникские события как «революцию зилотов», целью которой был «коммунальный социализм» (курсив наш. — Г. К., В. Р.).

¹⁰ А. Бергер. Указ. соч., стр. 450.

¹¹ Там же, стр. 451.

¹² М. В. Левченко. История Византии (краткий очерк). М.—Л., 1940, стр. 246—247.

то во всяком случае о вызревании в крупнейших центрах Византии отношений, сходных с теми, которые существовали в передовых городах Италии, что и обеспечило столь сильное влияние генуэзских событий на движение зилотов¹³.

Вопрос о влиянии отношений в передовых итальянских государствах на фессалоникские события после войны стал предметом изучения многих исследователей: Б. Т. Горянова, Ф. Грауса, Э. Вернера, В. Проховой и др.¹⁴ Параллельно с этим продолжалось и изучение социально-экономических отношений в Византии XIII—XIV вв. Так, Б. Т. Горянов в 1946 г. впервые обратил серьезное внимание на тесную связь восстания в Фессалонике с мощным антифеодальным крестьянским движением, что заметно отличает восстание зилотов от внутренней борьбы в итальянских городах-коммунах XIV в.¹⁵ Чешская исследовательница В. Прохова четко провела мысль об отсутствии сколько-нибудь заметных прямых линий влияния движения в итальянских городах-коммунах на события в Фессалонике¹⁶.

Таким образом, вопрос о непосредственном воздействии жизни итальянского города на фессалоникские события отпал, а изучение их социально-экономических предпосылок в Византии XIII—XIV вв. подтвердило несходство движения зилотов с восстаниями в развитых итальянских городах-республиках¹⁷. Однако большинство исследователей не отвергает возможности какого бы то ни было влияния, поскольку итальянские города были так или иначе связаны с крупнейшими центрами Византии, хотя и не склонны преувеличивать значение этого влияния¹⁸.

В настоящее время главной в историографии вопроса о движении зилотов стала проблема не столько о влиянии, сколько вообще о сопоставимости этого события с восстаниями в городах Италии XIV в. Б. Т. Горянов склонился вообще к отрицанию «городского» характера фессалоникского движения и признанию его «типом крестьянской войны, на подобие восстания Ивайлы»¹⁹. Этот исследователь пришел к заключению о полной несопоставимости городских движений в Италии и Византии²⁰. Между ними, писал он, «не может быть проведено никаких параллелей»²¹.

¹³ Он оценивал это движение как попытку «создания на ее (Византии.— Г. К., В. Р.) территории торгового государства по образцу итальянских городов-республик» (там же, стр. 250).

¹⁴ Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). «Известия АН СССР», серия историко-филол. наук, III, 1946; F. G r a u s. *Krise feudalismu ve 14 století.*— «Sbornik Historicky», I. Praga, 1953, str. 65—121, E. W e r n e r. *Volkstümliche Häretiker oder social-politische Reformer. Probleme der revolutionären Volksbewegung in Thessalonik.*— «Wissenschaftliche Zeitschrift der K. Marx Universität», 8. Jahrgang. Leipzig, 1958—1959, S. 45—83; Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг.—ВВ, XVII, 1960, стр. 155—202; В. Н г о с ч о в а. *La révolte des zélotés à Salonique et les communes italiennes.*— BS, XXII, 1, 1961, p. 1—15 и др.

¹⁵ Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 335 сл.

¹⁶ В. Н г о с ч о в а. *Op. cit.*, p. 14—15. И. Шевченко опроверг утверждение о существовании в Фессалонике накануне гражданской войны генуэзских колоний (J. S e v c h e n k o. *The Zealot Revolution and the Supposed Genoese Colony in Thessalonica.*— «Hellenica», 4. Thessalonica, 1953, p. 603—617).

¹⁷ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962; Д. А н г е л о в. Антифеодальное движение в Тракия и Македония през средата на XIV век.— ИИ, VIII, № 4—5, 1951—1952 и др. В рецензии на книгу Б. Т. Горянова М. Я. Сюзюмов писал, например, что «автор справедливо критикует (вместе с Вернером) точку зрения, будто восстание в Фессалонике — это движение типа выступлений масс в итальянских городах» (М. Я. С ю з ю м о в. Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм.—ВВ, XXV, 1964, стр. 240).

¹⁸ См., например, М. Я. С ю з ю м о в. Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 240.

¹⁹ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 339.

²⁰ Там же, стр. 427.

²¹ Там же, стр. 428.

Тем не менее далеко не все ученые придерживаются подобной точки зрения. М. Я. Сюзюмов, хотя и согласился с Б. Т. Горяновым в том, что характер восстания в Фессалонике не соответствует типу «выступлений масс в итальянских городах», исследуя проблемы восстания в его связи с гражданской войной в Византии, счел, однако, необходимым сравнить его с некоторыми итальянскими городскими движениями, в частности с восстанием Кола ди Риенцо в Риме²². Таким образом, М. Я. Сюзюмов, видимо, не отрицает в принципе возможность сопоставимости этих движений в Византии и Италии, он выступает не против вывода о сходстве восстания в Фессалонике с выступлениями «масс в итальянских городах» вообще, а лишь против аналогий между движением зилотов и восстаниями в наиболее развитых итальянских городах-республиках. Итак от сопоставления фессалоникского выступления с восстанием чомпи до сравнения его с восстанием Кола ди Риенцо — таков путь изучения этого вопроса в нашей историографии. Каждый раз в результате подобных сравнений обнаруживалось несходство рассматриваемых движений, однако этот метод их исследования в немалой мере помог правильному уяснению подлинного характера событий в Фессалонике, поэтому он представляется нам полезным и научно обоснованным. Он оправдан не только с точки зрения общеметодологической, но и потому, что для изучения истории Византии XIII—XIV вв. мы обладаем, в отличие от Италии, крайне ограниченным материалом, характеризующим занятия и деятельность городского населения и его социальную структуру. Сопоставление итальянских, значительно более богатых материалов с византийскими позволяет отчетливей выявить уровень развития византийского города, степень зрелости различных социальных слоев его населения, а следовательно, и характер городских движений. Эта задача тем более необходима, что в последние годы в связи с появлением исследования И. Шевченко была поставлена под сомнение ценность основного источника, а следовательно, и тех весьма общих и ограниченных сведений, которые имелись о программе зилотов²³. Поэтому в современной зарубежной историографии фессалоникское движение приобретает все более неопределенную социальную характеристику²⁴. В этих условиях сравнительное изучение, может быть, будет способствовать дальнейшему выяснению не только того, каким фессалоникское движение «не было», но и того, каким оно «было».

Сходство в социально-экономическом развитии Италии и Византии в XIV в. заключалось в том, что обе страны в целом были феодальными, что в крупных городских центрах и той и другой страны, хотя и в разной степени, были относительно высоко развиты товарно-денежные отношения и осуществлялась значительная посредническая торговля, что обе страны имели высокоразвитую культуру. Однако при всем этом сходстве отнюдь не было тождества.

В какой-то степени общей чертой для Италии и Византии было и большее значение, чем в других европейских странах, античного наследия и античных традиций (в одной — западноримских, в другой — восточноримских).

В Италии было немало городских центров, в которых с античных времен сохранялись остатки ремесла, теплились слабые очаги товарно-денеж-

²² М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — «Виз. очерки». М., 1961, стр. 61; е г о ж е. Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 гг. в Фессалониках. — «VII Всесоюзная конференция византинистов. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 34—35; е г о ж е. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 24—25.

²³ I. Š e v č e n k o. Nicolas Cabasilas Anti-Zealot Discourse. A Reinpretation. — DOP, 11, 1957, p. 81—171; i d e m. A Postscript on Nicolas Cabasilas Anti-Zealot Discourse. — DOP, 16, 1962.

²⁴ I. Š e v č e n k o. Nicolas Cabasilas Anti-Zealot Discourse..., p. 81; i d e m. A Postscript..., p. 403—408 и др.

ных отношений, чеканилась монета, использовались великолепные древнеримские дороги. Сохранялись также, хотя и в несколько трансформированном виде, элементы корпоративной организации ремесла и городских институтов²⁵. Античное наследие, чувствовавшееся в течение всего средневековья²⁶, имело в условиях Италии в целом позитивное значение, ибо города не были полностью подчинены феодалам; влияние товарно-денежных отношений (хотя бы с ближайшей округой) ограничивало, в отличие от большинства европейских стран, степень натурализации экономики. Все это облегчило последующий подъем итальянских городов. В условиях политической раздробленности Италии рост значения городского торгово-ремесленного населения, сохранение и развитие общегородских институтов привели к раннему образованию и развитию городов-государств, способных вести успешную борьбу с феодалами без помощи фактически отсутствовавшей в Италии королевской власти. Успех этой борьбы впервые в мире обусловил зарождение и распространение в наиболее развитых центрах Италии раннекапиталистических отношений: хозяева мануфактурных мастерских эксплуатировали наемных рабочих, извлекая прибавочную стоимость, полукапиталистические формы эксплуатации появились и в деревне (медзадрия). Огромный фактический материал, подтверждающий это, не нуждается в проверке или пересказе. Проблема эта в достаточной степени освещена в советской исторической литературе²⁷.

В Византии античные традиции были еще более сильными, чем в Италии, но, по-видимому, именно поэтому они сыграли здесь, в конечном счете, более консервативную, чем прогрессивную роль²⁸. Хотя товарное производство в большинстве городов Византии в эпоху перехода от рабовладения к феодализму переживало упадок, ремесло и торговля продолжали развиваться в ряде крупнейших центров. Наличие сильного государства (потребности двора, армии, бюрократии, флота) обеспечивало сохранение выработанных античностью приемов и навыков высококачественного производства. Византийское ремесло превосходило западноевропейское в раннефеодальную эпоху, особенно в производстве предметов роскоши. Рост внутренних потребностей, увеличивающийся спрос на византийские товары в Европе, монополия Византии в торговле с Востоком обусловили особый подъем производства в крупнейших византийских центрах в IX—XI вв. — в Константинополе, Фессалонике и др. Наивысший расцвет крупного византийского города приходится на X в.²⁹ Однако для дальнейшего развития византийского города эта суперконцентрация византийского производства имела в целом скорее отрицательные, чем положительные последствия. Развитое производство в крупных центрах, поддерживавшееся внешним спросом и заказами до-

²⁵ Дж. Л у ц а т о. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 185—186, 236—237 и др.; М. Л. А б р а м с о н. О состоянии производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии (X—XIII вв.). — СВ, 23, 1965, стр. 35—36.

²⁶ J. M a s e k. P é t r a r q u e e t C o l a d i R i e n z o. — «Historica», XI. Praha, 1965, p. 8—10

²⁷ См., например, П. П. Ф р и д о л и н. Флорентийские цехи накануне капиталистической эпохи. «Изв. Азерб. гос. университета», т. XIII, общ. науки. Баку, 1923; М. А. Г у к о в с к и й. Итальянское возрождение, т. I. Л., 1947; т. II. Л., 1961; В. И. Р у т е н б у р г. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М. — Л., 1951; е г о ж е. Народные движения в городах Италии (XIV — начало XV в.). М. — Л., 1958; Л. А. К о т е л ь н и к о в а. Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. М., 1967.

²⁸ М. Я. С ю з у м о в. Борьба за пути..., стр. 50—51.

²⁹ М. Я. С ю з у м о в. Ремесло и торговля в Константинополе; А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии в XI—XII вв. Коллективный доклад делегации советских ученых. — «XIIe Congrès International des études byzantines. Résumé des communications». Belgrade—Ochride, 1961, p. 39.

вольно значительной части правящей верхушки Византии, начинало все более сдерживать развитие ремесла и торговли в средних провинциальных центрах³⁰. Конкуренция Константинополя и других городов-центров внутренней и внешней торговли мешала накоплению богатств у ремесленной верхушки и купечества прочих провинциальных городов³¹. С подъемом константинопольского производства и торговли капиталы и ремесленно-купеческие кадры в значительной степени концентрировались в Константинополе.

Видимо, имело значение и еще одно обстоятельство. Сохранившиеся от античности торгово-ремесленные корпорации были тесно связаны с государством. Если в итальянских городах они постепенно превращались в цехи, становились всеобъемлющей формой самостоятельной организации городского торгово-ремесленного населения, то в Византии они объединяли лишь часть ремесленников и торговцев, в деятельности которых или в контроле над их деятельностью было заинтересовано государство. Согласно «Книге Эпарха», корпорации объединяли представителей наиболее важных и прибыльных профессий. Что касается основной массы ремесленников, то они скорее всего не были объединены. Мы не имеем убедительных доказательств того, что в Византии вообще происходило усиление элементов корпоративной, цеховой организации. Скорее наоборот: с XI столетия число ремесленных корпораций постепенно сокращалось. Судя по источникам XIV в., в этом столетии сохранились корпоративные объединения, связанные преимущественно с торговой деятельностью³².

Все это, естественно, вело не к усилению сплоченности городского торгово-ремесленного населения (как это имело место на определенном этапе развития итальянского и западноевропейского феодального города), а к возрастающему разобщению, ибо объединенная в корпорации часть торговцев и ремесленников находилась в привилегированном положении. С начавшимся ростом провинциальных центров корпорации крупнейших городов, заинтересованные в сохранении своего господства во внутренней и внешней торговле, стали еще более нуждаться в поддержке и содействии государства для обеспечения выгодного для них сбыта изделий и товаров иностранному купечеству. Крупные доходы и привилегии отделяли богатую торговую и ремесленную верхушку империи³³ от массы остального торгово-ремесленного населения, мешая их объединению и сплочению.

Кроме того, привилегированная часть торговцев и ремесленников крупных городов Византии еще со времен античности в довольно значи-

³⁰ М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути..., стр. 51—52.

³¹ Р. А. Н а с л е д о в а. Город второй половины IX—X вв.— «История Византии», т. II. М., 1967, стр. 144.

³² E. F r a n c è s. La disparition des corporations byzantines.— «XII Congrès International des études byzantines. Resumé de Communications». Belgrad—Ochride, 1964, p. 33. М. Я. С ю з ю м о в, основываясь на «шестикнижии» Константина Арменуола, полагает, что в XIV в. в Фессалонике еще существовали корпорации хлебопеков, ювелиров, строителей, барышников (по продаже лошадей). (М. Я. С ю з ю м о в. Социальная сущность движения зилотов в Фессалонике в 1342—1349 гг.— «УЗ Пермского гос. университета им. А. М. Горького», № 143. Истор. науки. Пермь, 1966, стр. 88). И. П. Медведев в исследовании, посвященном возникшему в поздневизантийский период городу Мистре, отмечает полное отсутствие цеховой корпоративной организации в этом городе и полагает, что исчезновение в Византии корпораций в это время «констатируется повсеместно» [И. П. М е д в е д е в. Мистра (Поздневизантийский феодальный город). Дисс., стр. 120].

³³ Мы уже не говорим о государственных корпорациях, привилегированное положение которых в X—XI вв. все более отчетливо выявляется в исследованиях последних лет (см., например, Sp. V r y o n i s. Byzantine Δημοκρατία and the Guilds in the eleventh Century.— DOP. XVII, 1963, p. 287—314 и рец. на эту работу А. П. Каждана: Новое о византийском городе.— ВВ, XXVIII, 1968, стр. 293).

тельных размерах использовала труд рабов и наемных работников³⁴. Социальный состав торгово-ремесленного населения в византийском городе (X—XI вв.) был значительно менее однородным (использование труда рабов и мистиев), чем в городах Западной Европы, а отношения между различными его категориями значительно более острыми. Все это тоже толкало торгово-ремесленную и ростовщическую верхушку к еще более прочному союзу с феодальным государством, которое получало, таким образом, возможность более активно эксплуатировать основное торгово-ремесленное население в интересах феодалов, мешая укреплению его экономического положения. Главная тяжесть этой эксплуатации не касалась привилегированных торговцев и ремесленников. К тому же в условиях существования достаточно сильного государства, развитого бюрократического аппарата и налоговой системы представители богатой торгово-ростовщической верхушки, тесно связанные с государственными заказами, разными путями сливались с господствующим классом, получая государственные должности, покупая титулы и земельные владения³⁵. На эти цели расходовалась довольно значительная часть средств, накопленных в ремесле и торговле.

Нам представляется, что все это обусловило в конечном счете отставание развития византийских городов сравнительно с итальянскими. В основной их массе не сложилось достаточно мощного и более или менее единого по своим интересам слоя ремесленников и торговцев. Тем более, по-видимому, нельзя говорить об образовании в византийских городах патрициата — особой социальной группы богатой части городского населения³⁶, все более отделявшейся от феодалов-землевладельцев. Патрициат в Византии не сложился, за исключением, может быть, отдаленных и довольно изолированных городов, игравших значительную роль в посреднической торговле. Патрициат сформировался здесь из богатого купечества и части наиболее тесно связанных с городом феодалов. Таким образом, употребление этого термина применительно к византийским городам, встречающееся даже в учебной литературе, нам представляется недостаточно обоснованным³⁷.

Нам представляются в связи с этим недостаточно обоснованными и попытки широких выводов о городах Византии вообще на основании того материала³⁸, который свидетельствует о возросшем к середине XI в. экономическом и политическом значении богатых торгово-ремесленных и ростовщических кругов Константинополя как центра внутреннего производства и международной торговли в течение предшествующего столетия. Развитие экономики столицы сдерживало подъем провинциальных городов, происходило частично за их счет, и положение упомянутых социальных кругов в Константинополе явно не отражало общего уровня их развития в других городах страны. А. П. Каждан совершенно правильно, с нашей точки зрения, писал об «избалованной монопольным

³⁴ М. Я. Сю з ю м о в. Византийская книга эпарха М., 1962; А. П. К а ж д а н. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. — ВВ, VI, 1958; е г о ж е. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, гл. 5 и 6; е г о ж е. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, IV, 1951, стр. 11—42 и др.

³⁵ См., например, М. Я. Сю з ю м о в. Византийская книга Эпарха, стр. 40; е г о ж е. Борьба за пути..., стр. 52: «Доходы от торговли и ремесла не шли на расширение производства: разбогатевшие купцы и ремесленники покупали придворные звания, их сбережения превращались в потребляющее богатство, выходя по большей части из сферы производства».

³⁶ В этом отношении нам представляются заслуживающими внимания соображения Г.-Г. Бека (H.-G. В е с к. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer früh-mittelalterlichen Hauptstadt. — ВЗ, 58, 1965, S. 20).

³⁷ История средних веков, том I, 1965, стр. 428.

³⁸ См., например, Sp. V г у о н и s. Op. cit., p. 289—314.

положением торгово-ремесленной верхушке столичных цехов»³⁹. Но даже анализ константинопольского материала не свидетельствует не только о начавшейся консолидации патрициата, но даже о сколько-нибудь явной тенденции в этом направлении, что явствует из той же работы Сп. Вриониса⁴⁰. На основании нескольких случаев употребления термина «средние» (*μέσοι*), известного в столь общем смысле даже по новеллам Юстиниана⁴¹, едва ли можно утверждать, что в XI в. в общеимперском масштабе «социальная группа разбогатевших торговцев и ремесленников стала... образовывать *подлинный* (курсив наш.— Г. К., В. Р.) средний класс, который начал постепенно проникаться сознанием своей автономии и своих собственных интересов»⁴².

В городах Италии на базе развития местного ремесла довольно быстро укреплялось положение городского ремесленного населения, росла богатая торгово-купеческая верхушка, с которой постепенно сливалась часть втягиваемых в товарно-денежные отношения городских феодалов, складывался патрициат, постепенно занявший главенствующее положение в экономической жизни города и оказавшийся в состоянии возглавить борьбу городов за освобождение от политической власти феодальных сенсоров⁴³. Подъем производства в городах Италии в XI в. обеспечил расцвет торговой деятельности ее крупнейших центров. Рост посреднической торговли оказался столь эффективным для развития итальянских городов-государств именно потому, что ему предшествовал общий подъем ремесла, укрепление местного рынка, обеспечившие прочную базу для развития производства как для внутреннего, так и для внешнего рынка.

Это дало возможность торговым городам-республикам Италии не только быстро избавиться от ввоза предметов византийского производства, но и самим устремиться на византийские рынки⁴⁴. Что же касается Византии, то здесь сознательно поддерживавшееся государством монопольное положение Константинополя и ряда других крупнейших городов сдерживало в IX—XI вв. не столько создание «внутреннего рынка»⁴⁵ (для того времени едва ли можно говорить об этом), сколько подъем средних провинциальных центров.

Часто высказывается мнение, что именно предоставление византийским правительством привилегий иностранному купечеству губило отечественное ремесленное производство. В какой-то степени это верно. Конкуренция итальянцев наносила несомненный ущерб развитию византийского ремесла и торговли. Однако в последние годы преимущественное внимание исследователей все более привлекают внутренние экономические предпосылки упадка ремесла в Византии, а не только «неразумная» политика византийских феодалов в отношении городов⁴⁶.

³⁹ А. П. К а ж д а н. О социальной природе византийского самодержавия.— «Народы Азии и Африки», 6, 1966, стр. 64.

⁴⁰ Sp. V r i o n i s. Op. cit., p. 287.

⁴¹ См., например, Н.-Г. В е с к. Op. cit., S. 20—22.

⁴² N. S v o r o n o s. Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XIe siècle: les principaux problèmes.— «Thirteenth International Congress of Byzantine Studies». Oxford, 1966. Main Papers.

⁴³ В. В. С т о к л и ц к а я - Т е р е ш к о в и ч. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960, стр. 98—101. По мнению М. Я. Сюзюмова, «феодальный патрициат» в Византии «держал в руках византийские города» (М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 21), однако это находится в известном противоречии с одновременно признаваемым им и бесспорным, с нашей точки зрения, фактом, что города были «опорными пунктами» феодалов, «в которых они имели огромную власть» (там же). Кого же в таком случае следует понимать под «феодальным патрициатом»?

⁴⁴ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 59—60.

⁴⁵ Р. А. Н а с л е д о в а. Город второй половины IX—X вв., стр. 144.

⁴⁶ См., например, А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии, стр. 39.

При этом выясняется, что предоставленные иностранцам привилегии отрицательно сказались не сразу и не на всем византийском производстве, а прежде всего на ремесле и торговле столицы и ряда других крупных городов, подорвав их монопольное положение и тем самым создав более благоприятные условия для оживления производства в провинциальных городах. Если в Византии конца XI в. тенденции к усилению могущества и власти местных феодалов, т. е. к феодальной раздробленности⁴⁷, нашли свое выражение в политике Комнинов, в ослаблении влияния столичной бюрократии и администрации⁴⁸, то эти тенденции совпадали с устремлениями населения поднимающихся провинциальных центров⁴⁹, заинтересованного в ослаблении производства, доходов и привилегий торгово-купеческой верхушки столицы и ряда других крупнейших центров⁵⁰. Можно сказать, что интересы феодалов провинций и провинциальных городов на этом смыкались, что и привело к укреплению союза между ними. Слабое и неорганизованное, контролируемое государственной администрацией торгово-ремесленное население провинциальных центров нуждалось в поддержке местных феодалов. Таким образом, в Византии с усилением тенденций к феодальной раздробленности купцы и ремесленники провинций, в отличие от стран Западной Европы, не консолидировались для начала борьбы с местными магнатами, а, наоборот, кооперировались с ними, что и обеспечило сохранение и упрочение позиций феодалов в городе, сдерживало формирование организации торгово-ремесленного населения и развитие форм его участия в городском самоуправлении. Тем не менее подъем феодального хозяйства временно содействовал подъему производства и торговли многих провинциальных городов. Их расцвет в XII—XIII вв. сопровождался одновременно постепенным упадком Константинополя и других крупнейших центров производства и международной торговли⁵¹.

Но при всем этом следует учитывать и специфические обстоятельства подъема византийского провинциального города. Его подъем в XII—XIII вв. был связан не только и, может быть, не столько с общим ростом ремесленного производства, сколько с развитием торговли — и прежде всего торговли сельскохозяйственными продуктами. Прогресс феодального хозяйства Византии превосходил рост емкости местного городского рынка. Возраставшие товарные возможности византийской вотчины соответствовали росту спроса на сельскохозяйственные продукты в городах и торговых республиках Италии, а не в Византии. Все это, по-видимому, сыграло немалую роль в сохранении и расширении торговых привилегий итальянцев. Поэтому, прежде чем в провинциальных городах империи окрепло собственное производство и сложилась сильная торгово-купеческая верхушка, способная стать самостоятельным торговым посредником, города Византии превратились в центры перевалочной торговли продуктами феодального хозяйства, в которой главную роль играли, с одной стороны, византийские феодалы, а с другой — итальянское купечество⁵².

⁴⁷ А. П. К а ж д а н. Экономическое развитие империи в XI—XII вв. — «История Византии», т. II, стр. 247: «XI и XII столетия были в истории Византии периодом ослабления централизованной системы эксплуатации крестьянства, периодом укрепления вотчинных форм эксплуатации и, соответственно, упрочения феодальных институтов...».

⁴⁸ Покачнулось, видимо, и привилегированное положение константинопольских корпораций (А. П. К а ж д а н. Новое о византийском городе, стр. 293).

⁴⁹ См. А. П. К а ж д а н. Экономическое развитие империи..., стр. 249.

⁵⁰ М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути..., стр. 52.

⁵¹ М. Я. С ю з ю м о в. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — «Античная древность и средние века». Сборник статей, вып. 3. Свердловск, 1965, стр. 16; А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии, стр. 31 сл.

⁵² М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути..., стр. 59—60; е г о ж е. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 21.

Слабая купеческая верхушка по существу играла лишь подсобную роль в качестве агентов византийских феодалов. Большая часть доходов от этой торговли попадала в карман крупных византийских землевладельцев и иностранных торговцев. Местное купечество не только не могло упрочить свои экономические позиции в ходе этой торговли, но, находясь от нее в зависимости, было вынуждено даже поддерживать и укреплять власть и влияние феодалов в городе⁵³. Исследователи уже обращали внимание на некоторое упрочение элементов самоуправления в византийских городах XII—XIII вв.⁵⁴ Однако оно осуществлялось за счет расширения прав не столько торгово-ремесленного населения, сколько местных феодалов.

Напротив, в поднимающихся городах Италии этого времени ведущей политической силой стала купеческо-ростовщическая и ремесленная верхушка, обеспечившая к XIII в. переход власти от «аристократии крови» к «аристократии денег»⁵⁵. Приведенные И. Зворонсом примеры возрастающей самостоятельности городского населения Византии в борьбе за свои интересы (волнения населения Навпакта, во главе с местным митрополитом, выступления народа в защиту антиохийского патриарха) нельзя признать достаточно убедительными⁵⁶.

Абсолютное большинство подобного рода выступлений в провинциальных городах в той или иной мере контролировалось местной феодальной аристократией⁵⁷, и лишь редкие стычки с нею торгово-ремесленных кругов свидетельствуют о наличии между ними известных разногласий. Поэтому, в той мере, в какой упрочивались элементы самоуправления в византийском городе, главенствующее положение в нем занимали местные феодалы⁵⁸. Если торгово-ремесленная верхушка в нем и могла участвовать, то она даже в более крупных торговых центрах играла сугубо подчиненную роль⁵⁹.

Усиление власти местных феодалов и подрыв монопольного положения Константинополя сыграли немалую роль во временной ликвидации крестоносцами Византийской империи⁶⁰. Латинское завоевание, хотя и нанесло ущерб многим провинциальным городам, более всего отразилось на Константинополе и других крупнейших центрах. Оно способствовало также усилению тенденций к феодальной раздробленности, а следовательно, и укреплению власти местных владетелей⁶¹.

Однако захват западным рыцарством владений византийских феодалов, внедрение в городах империи западных торговцев, с другой стороны, способствовали временному сплочению провинциальных магнатов и городского населения вокруг императора Никеи. Временная консолидация господствующего класса сохранялась в первый период после восстановле-

⁵³ Поэтому мы не согласны с утверждением А. П. Каждана («Экономическое развитие империи...», стр. 258), что самостоятельное городское движение было использовано в своих интересах местной феодальной знатью. Само это движение развивалось под ее преобладающим влиянием. Недаром, как пишет сам А. П. Каждан, провинциальные города стали «опорными пунктами феодальной знати» (там же, стр. 258).

⁵⁴ E. F r a n c è s. La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et au XIVe siècles.— BS, 16, 1955, p. 8.

⁵⁵ См., например, В. В. С а м а р к и н. Город и деревня в северо-восточной Италии XII—XIV вв. Автореферат канд. дисс. М., 1964, стр. 6.

⁵⁶ N. S v o g o n o s. Op. cit., p. 9, n. 3.

⁵⁷ О резком отличии положения дел в Италии см., например, Л. А. К о т е л ь н и к о в а. Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв., стр. 327.

⁵⁸ P. T i v č e v. Sur les cités byzantines aux XIe — XIIe siècles.— «Byzantinobulgaria», I. Sofia, 1962, p. 184—185.

⁵⁹ P. A. Н а с л е д о в а. Города, ремесло и торговля в поздней Византии (XIII—XV вв.).— «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 112; А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии, стр. 35; М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути..., стр. 57.

⁶⁰ E. F r a n c è s. Sur la conquête de Constantinople par les Latins.— BS, XV, 1954.

⁶¹ М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути..., стр. 58.

ния Византии: феодалам нужна была еще достаточно сильная центральная власть для изгнания крестоносцев и укрепления своего господства в отвоеванных владениях, нужна была им и государственная кормушка, пока не будет восстановлена доходность их вотчин.

В советской историографии XIII—XIV вв. нередко рассматривают как период «затянувшейся» феодальной раздробленности⁶², между тем значительно больше оснований говорить о незавершенности феодальной раздробленности в Византии⁶³.

Развитие феодального хозяйства в XI—XIII вв. вело к усилению обособленности провинций, создавало предпосылки развития местного рынка; лишь на основе его подъема было возможно дальнейшее усиление межобластных, межпровинциальных связей, зарождение предпосылок для преодоления феодальной раздробленности. Однако эти процессы тормозились как внутренними, так и внешними обстоятельствами⁶⁴.

Торгово-ремесленная верхушка провинциальных городов, заинтересованная в ограничении монополии Константинополя и в ослаблении государственного гнета, довольствовалась подчиненным положением в союзе с феодалами. Феодальное хозяйство и его товарные возможности развивались быстрее, чем задавленный поборами государства город, его ремесло. Латинское завоевание, непрерывные войны XIII—XV вв. усугубили положение широких слоев населения и в городах, усилили их обеднение и сократили их покупательную способность. Весьма существенно отличало Византию этого времени от других европейских стран также отсутствие достаточно многочисленного слоя средних и мелких феодалов⁶⁵. Распространение наемничества в X—XI вв. затормозило развитие этих прослоек⁶⁶. Между тем возросла мощь крупных (светских и особенно духовных) феодалов⁶⁷. Особенно мелкие феодалы так и не стали сколько-нибудь значительной самостоятельной силой, способной сыграть роль союзника городского населения или императорской власти в борьбе с феодальной раздробленностью. В то же время мощь крупных византийских феодалов и монастырей быстро возрастала.

Кроме того, еще сохранявшееся в Византии свободное крестьянство, которое ранее было одним из постоянных потребителей городских товаров, в XIII—XIV вв. быстро разорялось, как и крестьянство зависимое⁶⁸. Росла категория «неизвестных казне лиц» — значительной частью бывших крестьян, потерявших средства к существованию⁶⁹. Поэтому начавшийся,

⁶² М. Я. С ю з ю м о в. Противоречия между плебейскими массами и элитами, стр. 35.

⁶³ М. Я. Сюзюмов считает возможным, что в XIV в. наступил период «перехода от феодальной раздробленности к этапу консолидации национального государства» (К вопросу о характере..., стр. 21, 24 и сл.). Мы, однако, скорее согласны с К. В. Хвостовой, пришедшей на основании глубокого анализа аграрно-правовых отношений в поздней Византии к выводу, что византийские феодальные институты «так и не достигли завершающей стадии своего развития» [К. В. Х в о с т о в а. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, стр. 255].

⁶⁴ Как справедливо отмечала З. В. Удальцова (О внутренних причинах падения Византии в XV веке. — ВИ, № 7, 1963, стр. 110), «при наличии достаточно оживленной внешней торговли внутренний рынок в Византии оставался еще весьма слабым». См. также: А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии, стр. 31.

⁶⁵ А. П. К а ж д а н. Экономическое развитие империи..., стр. 261.

⁶⁶ П. Т и в ч е в. За войничского населения във Византия през XII в — «Исследования в чест на Марин С. Дринов». София, 1960, стр. 571—578.

⁶⁷ См., например, П. Т и в ч е в. Нарастающего на едрото земевладение във Византия през XII в. — ИИИ, 9, 1960, стр. 215—246; А. П. К а ж д а н. О социальной природе византийского самодержавия, стр. 58.

⁶⁸ З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 95.

⁶⁹ В. А. С м е т а н и н. Византийское законодательство XIV в. о крестьянстве (по Арменопулу) и отражение его в актах. — «УЗ Пермского гос. университета им. А. М. Горького», № 143. Историч. науки. Пермь, 1966, стр. 98—102; е г о ж е. Деклас-

было, подъем провинциальных городов⁷⁰, для которого не оказалось достаточно емкого рынка, сменился упадком. Источники XIII—XIV вв. свидетельствуют о свертывании ремесленного производства⁷¹ и бегстве торгово-ремесленного населения в деревню⁷². Не город втягивал в производство и торговлю сельских жителей, а, наоборот, феодальное хозяйство поглощало высвобождавшееся городское население. В отличие от Западной Европы, в Византии происходило не постепенное освобождение города от феодалов, а их усиление в нем⁷³. Источники конца XIII — начала XIV в. свидетельствуют о быстром переходе к крупным светским феодалам и монастырям пригородных и городских владений, складов, помещений, домов, мастерских и лавок⁷⁴. Феодалы укрепляли свое экономическое господство в городе, подчиняя себе ремесло (в XIV—XV вв. в городских мастерских нередко работали зависимые парики)⁷⁵ и торговлю и постепенно превращая города в центры своих феодальных владений⁷⁶. Крестьянское население города Лампсакса выплачивало почти 87% всех податей, причитавшихся с города⁷⁷.

Итак, происходило не укрепление положения торгово-ремесленных кругов города в XIII—XIV вв., как иногда утверждается^{77а}, а их явный упадок и ослабление.

Развитие итальянской торговли затронуло в первую очередь крупнейшие центры империи и первоначально способствовало некоторому подъему провинциальных городов, лежавших на ее путях, — особенно транзитных пунктов торговли византийским хлебом. Часть византийского

сированная прослойка поздневизантийской деревни. — «Античная древность и средние века». Сборник статей, вып. 4. Свердловск, 1966, стр. 94—107 и др.

⁷⁰ З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы... стр. 92.

⁷¹ А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии, стр. 42; В. А. С м е т а н и н. Деклассированная прослойка..., стр. 106; Е. Ф р а н с е s. L'état et les métiers à Byzance. — BS, XXIII, 2, 1962, p. 249; История средних веков. М., 1964, стр. 393.

⁷² М. Я. С ю з ю м о в. О роли закономерностей..., стр. 16; История средних веков, т. I. М., 1965, стр. 465. Последнее исследование В. Гроховой показывает, что не утрачивали своего значения и даже переживали известный подъем лишь города, лежавшие на путях вывозной и ввозной торговли (V. Н г о с h o в а. Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967, p. 99). Příspěvek k sídelní topografii středověkého Recka. — «Acta Universitatis Carolinae philosophica et historica monographia», XX, 1967.

⁷³ М. А. П о л я к о в с к а я. Метехи в городском и пригородном хозяйстве Византии (по данным монастырских актов). — «УЗ Пермского гос. университета им. А. М. Горького», № 143. Истор. науки. Пермь, 1966, стр. 97.

⁷⁴ М. А. П о л я к о в с к а я. Рост монастырских владений в Фессалонике и Серах в XIV в. как проявление своеобразия поздневизантийского города. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свердловск, 1966, стр. 27—28.

⁷⁵ М. А. П о л я к о в с к а я. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в поздней Византии. — «Античная древность и средние века». Сборник статей, вып. 4. Свердловск, 1966, стр. 80. В то же время усилилось закрепощение и свободных ремесленников в сельской округе. Согласно Н. К. Кондову (Селского занятичество в области на Долна Струма през първата половина на XIV век. — ЗРВИ, VIII, 2, 1964, стр. 191—206), в области нижнего течения Струмицы существовали свободные сельские ремесленники, однако большинство местных ремесленников было крепостными. О развитии монастырского производства см.: V. Н г о с h o в а. Dálkový obchod a jeho zpostrádkovatelé v posndní Byzanci (13—15 století). — «Sborník historický», XV. Praha, 1967, str. 161.

⁷⁶ Возникающие в этот период новые города формируются как центры феодального господства. И. П. Медведев подчеркивает, что чисто городские торгово-ремесленные элементы населения Мистры не фигурируют ни в одном источнике в качестве самостоятельного единства (Мистра. Поздневизантийский феодальный город, стр. 111).

⁷⁷ В. А. С м е т а н и н. К вопросу о свободном крестьянстве, стр. 56; М. А. П о л я к о в с к а я. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности...

^{77а} Такова, например, точка зрения Э. Франчеса (E. F r a n c e s. La féodalité et les villes byzantines, p. 89; е г о ж е. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания. — ВВ, XV, 1959, стр. 93).

купечества крупных вывозящих центров стала богатеть на этой торговле. Но крупные феодалы, стремясь взять ее под свой контроль, усилили наступление и на крупные города. Так, за счет собственности горожан Фессалоники в XIII—XIV вв. увеличивались не только монастырские пригородные земельные владения⁷⁸, но и дома, лавки, мастерские в самом городе⁷⁹. По существу в XIV в. даже в таком крупном городе, как Фессалоника, все более укрепляется феодальное хозяйство, феодальное производство⁸⁰, в котором применялся труд париков, использовались старые феодальные методы эксплуатации непосредственных производителей⁸¹.

В связи с этим коснемся поставленного в историографии вопроса о зарождении элементов раннекапиталистических отношений в Византии⁸². Как известно, наиболее ранние и примитивные капиталистические отношения в Европе зарождались на базе крупной торговли, в эмпориях, где осуществлялось массовое производство товаров для нужд внешнего рынка. Там создавались условия для появления мануфактурного производства. Так обстояло дело в Италии, Фландрии и Голландии. В Византии того времени также имелись крупные торговые центры (Константинополь, Фессалоника, Трапезунд). В этих и некоторых других византийских городах XIII—XIV вв. было еще достаточно развито производство шелковых, льняных и бумажных тканей, парчи, ковров, бумаги, мастики, камеди. Однако и эти крупнейшие эмпории находились в XIII—XIV вв. отнюдь не в состоянии экономического подъема⁸³. Никаких конкретных сведений о существовании в этих центрах мануфактур нет. Данные об эволюции производства и торговли в Константинополе свидетельствуют скорее об ухудшении условий для появления мануфактур, чем о создании предпосылок к этому. Ни на внешнем⁸⁴, ни на внутреннем (даже собственно константинопольском) рынке не наблюдалось роста спроса, который побуждал бы к реорганизации производства на более передовых экономических началах. Напротив, спрос падал, консервируя существовавшие отношения и вынуждая ремесленников не совершенствовать производство. Это позволяло итальянским городам-государствам, развернув мануфактурное производство, перейти в широкое победное наступление на хиревшее византийское ремесло⁸⁵. Известная торговая книга Бадоера дает убедительные данные о свертывании и гибели византийского текстильного производства в результате итальянского импорта⁸⁶.

В XIV в. этот упадок производства, по-видимому, затронул и другие крупные города, в том числе и Фессалонику, которая была в это время известна уже преимущественно как крупный центр вывозной торговли

⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 16.

⁷⁹ Например, только Зографский монастырь владел в Фессалонике 30-ю лавками (И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 606—607).

⁸⁰ Об аналогичной картине в других городах см. М. А. Поляковская. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности, стр. 77—78.

⁸¹ М. А. Поляковская. Рост монастырских владений в Фессалонике и Серрах, стр. 18.

⁸² Наличие этих элементов признают, например, А. П. Каждан (Аграрные отношения..., стр. 197) и М. Я. Сюзюмов (Борьба за пути..., стр. 59; К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 29; Противоречия между плебейскими массами и зилотами стр. 35).

⁸³ З. В. Удалцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 92.

⁸⁴ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 60.

⁸⁵ З. В. Удалцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы стр. 95. Ср. Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1957. в.

⁸⁶ М. Н. Шитиков. Венецианское купечество в первой половине XV в его торговых сношениях с Византией.—«УЗ МГПИ им. В. И. Ленина». История средних веков. М., 1965.

хлебом, а не центр производства⁸⁷. Свидетельством упадка можно считать и исчезновение ремесленных корпораций, число которых в XIII—XIV вв. сокращалось, по-видимому, и в крупных городах⁸⁸. Таким образом, с упадком производства и ослаблением центральной власти, контролировавшей и поддерживавшей корпорации, они из-за своей внутренней слабости не смогли трансформироваться в цехи, укрепиться как городские объединения ремесленников⁸⁹.

Не приходится говорить и о расширении внутренней торговли. Внешняя же, в том числе и вывоз продуктов сельского хозяйства, все более переходила в руки иностранного, преимущественно итальянского, купечества. Сужалась сфера действия византийского торгового капитала, ухудшались возможности накопления торговой прибыли, исчезали условия для подъема и укрепления местных торгово-купеческих кругов⁹⁰.

В XIII—XIV вв. значительно расширилась собственная торговля феодалов. Целые флотилии торговых судов крупных светских феодалов и монастырей отправлялись в плаванья; земельные магнаты приобретали торговые привилегии в крупнейших вывозных центрах империи⁹¹, получая возможность обходиться без посредничества византийских купцов и судовладельцев.

Можно полагать, однако, что в меньшей степени от проникновения феодалов в торговлю страдали купеческие круги крупнейших вывозящих центров, где концентрировалась большая часть вывозимых продуктов, которые, разумеется, не все переходили непосредственно из рук феодалов в руки иностранных купцов. Деятельность купечества этих центров с ростом производства продуктов на вывоз могла переживать некоторый подъем⁹². Однако в целом торгово-купеческие круги Византии не смогли подняться на возраставшей внешней торговле продуктами сельского хозяйства. Ее подъем скорее создал условия для быстрого развития ряда иноземных торговых центров (например, Дубровника и других городов далматинского побережья), которые в XIII—XIV вв. быстро поднялись на византийской торговле⁹³. Процесс формирования

⁸⁷ См. об этом, например: A. V a s a l o p o u l o s. A History of Thessaloniki, p. 59; СМН, IV, 1966, p. 358.

⁸⁸ E. F r a n c è s. La disparition des corporations byzantines; P. C h a r a n i s. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIe Century and later.—BS, XII, 1951, p. 151; М. Я. С ю з ю м о в. Социальная сущность..., стр. 88. Ср. F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des hlg. Berges. München, 1948, No 59/60, S. 152 f., No 111, S. 301 f., No 112, S. 305; W. R e g e l, E. K u r t z, C. K o r a b l e v. Actes de Zographou,—BB, XIII, 1905, Приложение, № 25, 72.

⁸⁹ E. F r a n c è s. L'état et les métiers à Byzance, p. 248.

⁹⁰ R. D a v i d s o h n. Geschichte von Florenz, vol. IV, b. 2. Berlin, 1922; W. H e y d. Histoire du commerce du Levant au Moyen âge. Leipzig, 1923; М. А. Г у к о в с к и й. Итальянское возрождение, т. I. Л., 1947; Е. Ч. С к р ж и н с к а я. Генуэзцы в Константинополе в XIV в.—BB, I (XXVI), 1947; F. V. P e g o l o t t i. Libro di divisamenti. La pratica della mercatura. Cambridge, Mass., 1936; C. C i a n o. La «Pratica di mercatura» Datiniana. Milano, 1964; D. Z a k y t h i n o s. Le despotat grec de Morée. Athènes, 1953, t. II, p. 252; V. H r o c h o v á. Byzantská města, p. 99; S. B o r s c r i. Studi sulle colonie veneziane in Romania nel XIII Secolo.—«Universita di Napoli Seminario di Storia Medioevale e Moderna», No 3. Naples, 1966, p. 147—149; F. T h i r i e t. La Romanie vénétienne au Moyen Age. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénétien (XII—XV siècles). Paris, 1959, chap. III; E. K i r s t e n. The Political Organisation of the Byzantine Urban Classes between 1204 and 1341.—«Liber Memorialis Antonio Epa. Etudes présentées à la Commission International pour l'Histoire des Assemblées d'États», XXVI. Bruxelles, 1963, p. 21—31 (нам недоступна).

⁹¹ W. R e g e l. Χρυσόβουλλα και γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει Ἐθνομονῆς τοῦ Βατοπεδίου.—St.Pb, 1896, p. 25—26; L. P e t i t. Actes de Chilandar, I.—BB, XVII, 1911, No 5, 48 sq.; MM, VI, № LII, p. 166; LXVI, p. 183; LXXXIX, p. 249.

⁹² См., например, М. Я. С ю з ю м о в. Предпринимательство в византийском городе, стр. 16; Б. К р е к и њ. Дубровник и Левант, стр. 133—139.

⁹³ Б. К р е к и њ. Дубровник и Левант, стр. 133—139; Н. П. М а н а ч и к о в а. Очерки социально-экономической истории Дубровника второй половины XIII—

богатого патрициата (нобилитета) там ускорился; все возрастающую часть городского населения, в отличие от византийских городов, составляло там торгово-ремесленное, а не землевладельческое и не земледельческое население; купеческо-ростовщическая и ремесленная верхушка пришла к управлению.

Укрепление положения византийских торгово-купеческих кругов не могло быть осуществлено и путем ростовщичества, ибо и такого рода деятельностью широко занимались крупные светские феодалы и монастыри.

Таким образом, у нас нет оснований говорить и о значительном накоплении капиталов в руках представителей торгово-купеческих кругов как известной предпосылке для зарождения элементов капиталистического производства. Экономически отсталые города Византии не стали на путь капиталистического развития⁹⁴.

Высказывалось мнение о зарождении элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Византии⁹⁵. Однако до сих пор в подтверждение этого не приведено убедительных доказательств. Известное распространение наемного труда, как и аренды в феодальном хозяйстве, еще не является таким доводом, ибо капиталистический или даже полукapиталистический характер этой аренды не доказан. Согласно наблюдениям М. А. Поляковской, ее характер в городском и пригородном монастырском хозяйстве в большинстве случаев был типичным для простого товарного хозяйства⁹⁶. Что касается известного факта об аренде Аргиропулов, то ее предпринимательский характер, как и масштабы распространения этого явления, остаются еще не выясненными⁹⁷. Заслуживает внимания мнение М. А. Поляковской, что аренды такого типа «в определенных условиях могли бы стать (курсив наш.— Г. К., В. Р.) путем проникновения капиталистических отношений через старую феодальную форму»⁹⁸. Однако аренда Аргиропулов — известный нам случай — не получила развития: монастырь расторг арендный договор и стал вести на этих землях собственное хозяйство.

Если даже допустить возможность зарождения в Византии конца XIV—XV в. элементов предкапиталистических отношений в сельском хозяйстве, то о каком-либо их развитии и роли в событиях середины XIV в. говорить, очевидно, все же не приходится. В целом в это время продолжало укрепляться типично феодальное хозяйство с использованием старых феодальных методов эксплуатации⁹⁹.

XIV вв. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1967; М. М. Фрейденберг. Торговля далматинского города в XIII—XIV вв.— СС, 2, 1967, стр. 24—37 сл.; Э. И. Чудиновский. Развитие торговых связей далматинских городов в XIII—XIV вв.— «УЗ Пермского гос. университета им. А. М. Горького», № 143. Историч. науки. Пермь. 1966, стр. 122—123; е е же. Торговая деятельность далматинских городов в XIII—XIV вв.— «Античная древность и средние века». Сб. статей, вып. 3. Свердловск, 1965, стр. 85 — 86 и др.

⁹⁴ К. В. Хвостова. Особенности развития аграрноправовых отношений, стр. 258.

⁹⁵ А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 197; М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 59.

⁹⁶ М. А. Поляковская. Рост монастырских владений в Фессалонике и Серах, стр. 19.

⁹⁷ См., например, Х. З. Левуш. Обзор работ историков ГДР о народных и еретических движениях XIV в. и их идеологических предпосылках. — «Методологические и историографические вопросы исторической науки. УЗ Томского гос. университета», ч. 193, вып. 5. Томск, 1967, стр. 358.

⁹⁸ М. А. Поляковская. Рост монастырских владений в Фессалонике и Серах, стр. 20.

⁹⁹ Там же, стр. 18; е е же. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе, стр. 21; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 96.

Наконец, усматривают зарождение элементов капиталистических отношений и просто в развитии товарности сельского хозяйства¹⁰⁰. Однако появление и развитие товарности вовсе не означает наличия или даже зарождения элементов капиталистического хозяйства. Их можно искать лишь в сфере производственных процессов, порождающих прибавочную стоимость. Но как раз в этой сфере элементов такого рода мы обнаружить не можем.

Поэтому и подчеркнутое употребление применительно к Византии этого времени таких терминов, как «предпринимательская знать», «молодая предпринимательская знать» и, тем более, «новый предпринимательский класс»¹⁰¹, нам представляется недостаточно правомерным.

М. Я. Сюзюмов, используя этот термин, не конкретизирует, кого он имеет в виду. Он пишет о «прослойке городской знати, которая обращалась к предпринимательству»¹⁰². Если думать о богатой торгово-купеческой верхушке города, то она давно им занималась. Что касается живущих в городе крупных феодалов, то, обращаясь к «предпринимательству», они не переставали оставаться феодалами по преимуществу, даже расширяя свое участие в торговле. Возможно, М. Я. Сюзюмов имеет в виду часть столичной бюрократии, служилой знати, существовавшей не столько за счет прямого получения феодальной ренты, сколько за счет вы плат из доходов казны, участвуя в управлении государственными имуществами, получая откупа и т. д.¹⁰³ Действительно, эта прослойка была более тесно связана с «предпринимательской» деятельностью в широком смысле слова и может быть в этом отношении с достаточными основаниями противопоставлена «феодалам-иммунистам»¹⁰⁴.

Но и эта прослойка отнюдь не была «новой» для XIII—XIV вв. Она была достаточно многочисленной за много веков до этого. По мере усиления тенденций к феодальной раздробленности борьба между феодалами, заинтересованными в развитии частновладельческой ренты, и столичной бюрократией и служилой знатью, стремившейся к сохранению ренты централизованной, должна была усиливаться¹⁰⁵. Но явный перевес в этой борьбе в конечном счете оказался на стороне феодалов-иммунистов. Следовательно, источники существования и обогащения столичной бюрократии сокращались вместе с оскудением государственных источников ее предпринимательства. Сам М. Я. Сюзюмов, например, отмечает прогрессирующий упадок откупной системы¹⁰⁶. Крупные феодалы и монастыри прибирали к своим рукам на местах также и доходы от разного рода государственных монополий, привилегий и имуществ. Поэтому больше оснований говорить об упадке и ослаблении, а не росте и укреплении

¹⁰⁰ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 59; е го же. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 29. Ср. З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 96.

¹⁰¹ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 61—62; е го же. Социальная сущность..., стр. 87—88; е го же. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 26. Употребляя же эти термины, М. Я. Сюзюмов имеет в виду именно наличие «буржуазных элементов», хотя и «относительно» слабых (е го же. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 35).

¹⁰² М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 18—19.

¹⁰³ Там же, стр. 18—19.

¹⁰⁴ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 87—88. Употребление термина «феодалы-иммунисты» в известной мере является условным, так как вопрос о «размерах судебно-административного иммунитета византийских крупных землевладельцев остается дискуссионным [см., например, L. P. R a y b a u d. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968], хотя тенденции к его развитию прослеживаются по источникам.

¹⁰⁵ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 18—19.

¹⁰⁶ Там же, стр. 15.

этой «предпринимательской» деятельности на базе «государственных» возможностей.

Допустим все-таки, что отдельные представители этой прослойки расширяли сферу своей сугубо частной предпринимательской деятельности, постепенно перерождаясь в «предпринимателей», подобно тому как богатели феодалы-иммунисты, постепенно присваивая себе государственные имущества и доходы с них. Типичным представителем этих кругов М. Я. Сюзюмов считает Алексея Апокавка, который разбогател, «будучи управляющим солеварнями»¹⁰⁷. Но в этом «предпринимательстве» не было ничего нового. Солеварни оставались государственными¹⁰⁸, и он наживался на их управлении точно так же, как десятки его предшественников в предыдущие столетия. Нет никаких сведений ни о каком-либо изменении его положения в качестве управляющего, ни о переменах в методах эксплуатации солеварен, ни о каком-нибудь особом новом характере его частнопредпринимательской деятельности. Главным было положение Апокавка в управлении.

О росте предпринимательства «городской знати» в XIV в. трудно говорить хотя бы потому, что с явным упадком византийского ремесла и торговли возможности этого сужались, а не расширялись.

Нельзя найти и бесспорных косвенных доказательств существования активизирующейся предпринимательской прослойки в византийском городе при изучении уровня социально-политических воззрений XIV столетия. Остается далеко еще не ясным содержание понятия «богатый» (πλοῦσιος) в политической литературе той эпохи: подразумевали ли под этим термином не только феодальную аристократию, но и другие, неаристократические круги и именно их в первую очередь, в отличие от феодальной аристократии. Во всяком случае, прямая трактовка «богатых» «Диалога» Макремволита¹⁰⁹ как «предпринимателей», а «бедных» как тех «прослоек ремесленных низов, наемных работников и строительных рабочих, которые эксплуатировались предпринимателями» (курсив наш. — Г. К., В. Р)¹¹⁰, вызывает некоторые сомнения. Трактат свидетельствует, несомненно, об обострении социальных и классовых противоречий. Но нам представляется бесспорным также и его традиционно-христианское определение «богатых» и «бедных», которое можно найти еще у Златоуста и других отцов церкви и которое, к сожалению, не дает достаточных оснований для столь резких дефиниций.

Точно так же вызывает сильные сомнения вывод о наличии существенно новых элементов в идеологии «предпринимательских кругов». М. Я. Сюзюмов считает, что «не может быть никаких сомнений в характеристике политических идеалов этой прослойки. Она стремилась к централизованной монархии»¹¹¹. Для нее были характерны симпатии к централизованному государству, «превознесение античной греческой культуры и греко-римского права и гуманизм»¹¹². Но ограниченное возрастание интереса к античности (но не к античной демократии, ее политическим идеалам и т. д.)¹¹³, усиление элементов средневекового христианского гуманизма вообще характерно для периода развитого феодализма и в оп-

¹⁰⁷ М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 14.

¹⁰⁸ Cantac., I, p. 25: τῶν δημοσίων γὰρ ἁλῶν τότε τὴν διαίθεσιν ἐποίητο ...».

¹⁰⁹ I. Sevcenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» — ЗРВИ, № 6, 1960, стр. 187—228.

¹¹⁰ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 26—27.

¹¹¹ Там же, стр. 30—31.

¹¹² Там же, стр. 32.

¹¹³ Jean Vergaу. Nicephore Choumnos. Homme d'Etat et humaniste byzantin (ca 1250—1327). Paris, 1959, p. 189—197.

ределенных размерах еще не содержит ничего принципиально нового¹¹⁴. Это общая черта для византийской идеологии того времени вообще; носителями таких взглядов были как представители «предпринимательских» кругов, так и их противников — паламитов, кантакузинистов¹¹⁵. Приверженность же их к идее централизованного государства также является (в понимании прав, характера и задач монархии) типично традиционной^{115а}. Если эта идея стала высказываться в XIV в. более часто и горячо, то это вполне может быть объяснимо усилением феодальной раздробленности и ростом внешней опасности.

Скорее всего, во взглядах городских «предпринимателей» было достаточно мало принципиальных отличий от воззрений феодалов-иммунистов, если даже фессалонийская интеллигенция, которую М. Я. Сюзюмов называет наиболее «прогрессивной», после недолгих колебаний «решительно перешла на сторону Кантакузина»¹¹⁶. М. Я. Сюзюмов объясняет ее переход страхом перед подъемом народного и люмпенпролетарского движения¹¹⁷. Но причины этого, по-видимому, можно было бы искать и в эволюции самих воззрений служило-купеческих кругов, которые постепенно сдавали свои неустойчивые позиции, отходили от идеи поддержки центральной власти против крупных феодалов и постепенно примирялись с их господством, и в преобладании служилых кругов над торговыми.

Мы полагаем, что у нас нет никаких оснований говорить как о «победах растущей буржуазии» в Византии, «вытеснении» феодалов из политической и экономической жизни городов в XIV в.¹¹⁸, так и о «попытке перехода Византии от феодальной раздробленности к централизованной национальной монархии позднефеодального типа»¹¹⁹. Факты говорят, напротив, о развернувшемся с конца XIII в. экономическом наступлении феодалов на крупные города и об упрочении их политических позиций в городе¹²⁰ в ущерб органам центральной администрации.

Если «предпринимательские» круги еще продолжали играть значительную роль в жизни общества, то они были обязаны этим в большей мере своему положению в государственном аппарате, чем хозяйственной деятельности. Нам представляется излишне категоричным утверждение М. Я. Сюзюмова, что уже в первой половине XIV в. «провинциальное чиновничество было в руках местной знати»¹²¹. Весьма вероятно, что известная часть чиновничества в городах не желала полного подчинения власти

¹¹⁴ Недаром сам М. Я. Сюзюмов, тщательно исследовав трактат Макреволита, в конечном счете пишет о содержащихся там, обычных призывах «к выполнению заветов христианской морали и справедливости» (М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 27). О гуманизме в Византии см., например, M. G i g a n t e. Per l'interpretazione di Teodoro Metochites quale umanista bizantino. — «Rivista Studi Bizantini e Neellenici», n. s., 4, 1967, p. 11—25; J. V e r p e a u x. Op. cit., p. 189—198.

¹¹⁵ См., например. Г. М. П р о х о р о в. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке. Литературные связи древних славян. — ТОДРЛ, XXIII, 1968, стр. 93 сл. Мы не согласны, однако, с попыткой автора рассматривать известный тезис христианского учения о разделении функций, проводимый Паламой, в духе «общественного договора» (там же, стр. 98—99).

^{115а} См. например, L. P. R a u b a u d. Op. cit., p. 37.

¹¹⁶ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 30—31.

¹¹⁷ Там же, стр. 31. По нашему мнению, без учета явной тенденциозности известий Кантакузина есть опасность преувеличить люмпенпролетарскую струю в движении.

¹¹⁸ Э. Ф р а н ч е с. Классовая позиция..., стр. 94; М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе, стр. 19.

¹¹⁹ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 24.

¹²⁰ По мнению Б. Ферьянчича, политическая самостоятельность феодалов была в эту эпоху еще большей, чем было принято считать ранее (Б. Ферьянчич. Деспоти у Византии и южнославянских землях. Београд, 1960, стр. 215).

¹²¹ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 24, прим. 35.

местных магнатов¹²². Подобной могла быть и позиция крупных привилегированных корпораций, которым связь с государством обеспечивала определенные выгоды, и купеческих кругов, менее втянутых в торговлю с феодалами.

Таким образом, в византийском городе XIV в., по-видимому, не столько велось наступление на феодалов новых, более прогрессивных кругов, сколько оборонялись старая, ослабевшая бюрократия, пытавшаяся отстоять централизованные формы эксплуатации и сдерживать развитие феодальной раздробленности, наиболее крупные торговые корпорации, стремившиеся удержать свои экономические позиции, и принадлежавшая к этим кругам интеллигенция. При этом активность этих слоев возрастала не с ростом, а с ослаблением их реальных сил. Усиливая борьбу за политическую власть, феодалы ставили задачу ограничения деятельности государственной администрации, а это можно было сделать, лишь укрепив городское феодальное самоуправление и противопоставив его государственному аппарату, т. е. подчинив себе город не только экономически, но и политически. Перед этой угрозой императорская власть более тесно сомкнулась с бюрократической и торговой верхушкой столицы и других имперских центров.

Тенденция к усилению феодальной раздробленности поддерживалась значительной частью монашества, стремившегося к децентрализации церкви, к ослаблению власти патриарха и белого духовенства вообще. Оно добивалось большей автономии и самостоятельности своих общин, как светские феодалы — полноты власти в своих владениях и их округе¹²³. Неудивительно, что эти силы объединились. На стороне же императорской власти оказалась большая часть белого духовенства, в том числе константинопольская церковная верхушка. Союз императора и патриарха во многом объясняет медленное развитие феодальной раздробленности в Византии.

Все это, однако, не оправдывает, на наш взгляд, вывода, что в развернувшихся в XIV в. социальных битвах в Византии была предпринята попытка преодоления феодальной раздробленности и установления «абсолютизма»¹²⁴, не говоря уже о том, что будто бы имела место борьба «между силами, стремящимися сохранить существовавший политический строй (курсив наш. — Г. К., В. Р.), и силами, выступавшими против господства феодальных институтов в обществе» (курсив наш. — Г. К., В. Р.)¹²⁵.

Поскольку в марксистском понимании термин «абсолютизм» связан с новой формой феодального государства, возникающей вместе с разложением феодальных отношений и гегемонией капитализма, постольку, видимо, и изложенная выше оценка М. Я. Сюзюмова характера социальной борьбы в Византии XIV в. находится в тесной связи с его концепцией экономического развития поздней Византии (зарождение элементов капиталистических отношений). Не приняв эту концепцию, мы не можем согласиться и с выводом о борьбе за торжество абсолютизма.

На тех же основаниях мы не считаем возможным говорить и о переходе к «национальной греческой централизованной монархии»¹²⁶.

Поэтому нам представляется, что несколько ближе к истине другое утверждение М. Я. Сюзюмова, согласно которому «в Византии XIII—XIV вв. происходила типичная для западного средневековья борьба горожан за права и привилегии»¹²⁷. В целом же мы считаем более точной

¹²² См., например, Э. Франчес. Византиноведение в Румынии в 1956—1961 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 118.

¹²³ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 90.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 35.

¹²⁶ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 64; е го же. Социальная сущность..., стр. 87.

¹²⁷ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути..., стр. 59.

социальную характеристику этого периода, данную Г. А. Острогорским, по мнению которого нельзя говорить о появлении новых социальных сил в Византии XIV в., где центральная власть оказалась бессильной перед феодалами, установившими свое господство и в городах ¹²⁸.

М. Я. Сюзюмов полагает, что «предпринимательские» элементы в специфических условиях Византии, даже будучи достаточно сильными, были скованы противоречиями с «трудящимися массами» в период начавшейся антифеодальной борьбы ¹²⁹. Однако этот фактор мог бы иметь, по нашему мнению, значение, если бы новые формы эксплуатации в XIV в. были уже достаточно сильными и зрелыми. Развитый слой «предпринимателей», если бы он был таковым, мог бы, кроме того, обрести союзников в широких кругах крестьянства и городской бедноты, в массах разорявшихся ремесленников и торговцев, эксплуатировавшихся феодалами или постепенно попадавших в зависимость от них. Этого, однако, не случилось.

Феодалная отсталость «предпринимательских» кругов, их подчинение земельным магнатам или государству, чисто средневековые методы извлечения доходов в своей экономической деятельности — вот что сделало их одинокими и бессильными в социальной и политической жизни города XIII—XV вв. «В крупных городах Византийской империи, — пишет З. В. Удальцова, — например, в Константинополе и Фессалонике, ... уже складывалось (но еще не сложилось. — Г. К., В. Р.) сословие горожан. На одном полюсе городского населения все более обособлялся (но еще не обособился. — Г. К., В. Р.) патрициат, на другом — плебейство» ¹³⁰.

Крайняя слабость так и не сложившегося в единую социальную группу патрициата, отсутствие его естественного союзника — достаточно мощного слоя ремесленников и мелких торговцев, объединенных в цехи или корпорации, разобщенность и раздробленность городских социальных слоев — все это находилось в резком контрасте с положением дел в западных городах, где патрициат находил прочную опору в цеховых организациях, верхушка которых обеспечивала его связь с торгово-ремесленным населением города на определенном этапе борьбы городов с феодалами ¹³¹.

Торговцы и ремесленники византийских городов не только не выступили на борьбу за создание собственного городского самоуправления, но не смогли подняться и до сознания необходимости объединения своих сил внутри города. Если в некоторых наиболее развитых торгово-ремесленных центрах и намечались тенденции такого рода, то они были крайне слабыми. Все это обусловило отсутствие четкого размежевания социальных сил в городе, отсутствие ясных целей и конкретной программы борьбы городского населения за свои права.

Тем не менее мы не согласны с утверждением Б. Т. Горянова, что городские движения XIV в. в Византии даже не носили в сущности «городского» характера, а были «типом крестьянской войны, наподобие восстания Ивайла» ¹³². Нам представляется не только возможным, но и необходимым трактовать движения в крупнейших городах империи именно как городские, несмотря на их теснейшую связь с антифеодальной борьбой крестьянства. Связь эта весьма примечательна, и уяснение ее причин способно бросить дополнительный свет на социальную борьбу внутри города.

М. Я. Сюзюмов совершенно прав, по нашему мнению, что борьбу в городах нельзя рассматривать изолированно, вне связи с гражданской войной,

¹²⁸ G. O s t r o g o r s k y. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 424.

¹²⁹ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 91.

¹³⁰ З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV веке. — ВИ, 1953, № 7, стр. 113.

¹³¹ См., например, Н. А. Б о р т н и к. Ремесленно-цеховое производство в Риме первых трех десятилетий XIV века. — «УЗ Пермского гос. университета», № 143. История. Пермь, 1966, стр. 116.

¹³² Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 339.

разделившей господствующий класс Византии¹³³. Но симптоматично то, что втянутые в борьбу «феодалов-иммунистов» со столичной бюрократией и примыкавшей к ней городской торгово-купеческой верхушкой города не выступали в качестве самостоятельной силы, как это имело место в период преодоления феодальной раздробленности в странах Западной Европы. Будучи союзниками центральной власти, города не выступили с ясной собственной программой, отличной от программы «правительственной» партии. Это проявилось в характере социальной борьбы как в Константинополе, так и в Адрианополе, Фессалонике и других городах империи.

Назревание конфликта явственно прослеживается в предшествующие гражданской войне годы. Рост могущества и привилегий крупных феодалов, сокращение доходов казны, ослабление армии сделали реальной для центральной власти опасность превратиться в простое орудие крупных феодалов. Для лиц, связанных с центральной властью, прежде всего — для столичной бюрократии, встала задача уже не усиления, а сохранения сколько-нибудь действенного государственного аппарата. Угроза полной утраты собственного значения, должностей и доходов от них спланивала этих лиц вокруг императорского трона как в столице, так и на местах.

Отсюда судорожные попытки центральной власти укрепить урезанную феодалами материальную базу своего существования. «Византийское правительство, — писал Б. Т. Горянов, — предпринимает целую систему мероприятий для увеличения налогов, в первую очередь перепись всех земель, подлежащих обложению»¹³⁴.

Разумеется, большинство крупных феодалов сумело избежать дополнительного налогового бремени, которое обрушилось всей своей тяжестью на массу независимого от них сельского и городского населения. Источники этого времени сообщают о разорении массы людей, распродававших свое имущество, лишь бы избежать преследований податных сборщиков¹³⁵. Крупнейшие византийские земледельцы (особенно монастыри) воспользовались этим для расширения своих владений. Они широко эксплуатировали труд безземельных крестьян на своих землях, не наделяя их наделами. Разоренные поселяне стекались и в крупные города, где феодалы также приобретали земельные пригородные участки, дома, постоялые дворы, мастерские, перекупая их у горожан, превращавшихся в полуимущих бедняков. Поляризация в имущественном положении достигла весьма высокой степени — Никифор Григора писал, что в каждом городе и в каждой области народ был разделен на две части, богатых и бедных, которые вели между собою борьбу¹³⁶.

Выгодность политической ситуации для центральной власти заключалась в том, что для широких слоев населения деревни и города феодалы в этот период становились главными эксплуататорами, виновными в непрерывно ухудшавшемся положении трудящихся. Повсеместное хозяйничанье крупных магнатов, их беззастенчивое давление на местную администрацию и постепенное подчинение ее своим интересам возбуждали ненависть населения¹³⁷. Хотя государственная администрация также не пользовалась глубокой симпатией широких слоев населения, мы не думаем, как это делает Б. Т. Горянов, следуя за И. Кордатосом, что для них «монархический лозунг был только политической маской для вооруженной борьбы против феодального гнета»¹³⁸. Этот вывод преувеличивает степень разви-

¹³³ М. Я. С ю з ю м о в. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 31.

¹³⁴ Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 348.

¹³⁵ N i c e r h o r i C h u m n i s Θεσσαλονικεῖσι συμβουλευτικῶς περὶ δικαιοσύνης. — А. B o i s s o n a d e. Anecdota graeca, II, p. 153.

¹³⁶ N i c. G r e g., XII, 2, p. 613.

¹³⁷ S a n t a c., II, p. 177: «Народ был озлоблен против аристократов, которые грабили и угнетали его еще в мирные времена».

¹³⁸ Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 345.

тости социальных отношений в городе, уровень политической зрелости народных масс. Монархические настроения в народе в условиях борьбы центральной власти против растущей реальной власти феодалов на местах вполне закономерны, когда народные массы, кроме мечтаний о «добром царе», не знали иных политических идеалов.

Недовольство народа столичная бюрократия использовала против Кантакузина и поддерживавших его феодалов-иммунистов¹³⁹. Прибегнув при поддержке массы столичного населения к суровым методам против сторонников Кантакузина в Константинополе, правительство сумело сохранить в руках власть в столице¹⁴⁰. Но феодалы организовали сопротивление в провинциях — началась гражданская война.

Примечательны в этом отношении события в Адрианополе. Феодалы чувствовали себя здесь полными хозяевами положения. Они созвали народное собрание, чтобы признать на нем императором Кантакузина¹⁴¹. Его противники были избиты. Они даже не имели своей организованной группы на народном собрании. Лишь ночью некоторые из них смогли организовать бедняков на выступление. Примечательно, что руководство оказалось не в руках зажиточных торгово-ремесленных кругов города или недовольных засильем знати средних городских землевладельцев, которые могли держать сторону правительства, а в руках более демократических элементов (в частности, бывшего землекопа Врана). Поэтому восстание приняло широкий народный характер, в ходе которого были разгромлены дома не только «знатных» (феодалов), но и богатых горожан¹⁴².

Власть оказалась в руках восставших. Но у нас нет никаких доказательств того, что они создали собственные органы власти, а не использовали ее старые формы. Адрианопольцы не отвергли власти правительства, рассматривая себя как его представителей¹⁴³. Отвечая сербскому военачальнику, к которому они обратились за помощью и который требовал за нее полного их подчинения, они заявили, что ищут союзника, а не господина, разумея, что их признанным господином был законный император.

В Фессалонике движение разгорелось также в связи с вопросом о поддержке правительства против феодалов. Кантакузин стремился овладеть Фессалоникой как важнейшим опорным пунктом для борьбы с Константинополем. Феодалы в Фессалонике были очень сильны¹⁴⁴. Они фактически держали в своих руках органы городского управления, правительственная администрация в городе также состояла из их ставленников или из лиц, склонных к союзу с ними.

Что касается остальных социальных слоев, то в отношении их состава, удельного веса и роли в событиях в историографии существуют огромные разногласия. Прежде всего, различно понимание термина μέσοι (так называемых «средних»), которых источники достаточно четко отделяют как от остального населения города, так и от зилотов, возглавлявших движение¹⁴⁵.

Иногда в μέσοι усматривают бюргерские элементы, нарождающуюся буржуазию¹⁴⁶. О. Тафрали и другие буржуазно-демократические историки

¹³⁹ Именно поэтому Кантакузин так ненавидел народ, который правительство, чем более ухудшалось его положение, тем упорнее натравливало на крупную феодальную аристократию (...δημοτικὸν ἐρεθίζοντα κατὰ τῶν πλουσίων.— N i c. G r e g., II, p. 614).

¹⁴⁰ S a n t a c., II, p. 279; III, p. 219.

¹⁴¹ Ibid., II, p. 176.6.

¹⁴² Ibid., II, p. 177.4.

¹⁴³ Они не расправлялись со сторонниками Кантакузина, а отправляли их для суда в Константинополь (Ibid., II, p. 179).

¹⁴⁴ М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 23.

¹⁴⁵ S a n t a c., III, 58, p. 355.

¹⁴⁶ См., например, A. V a s a l o p o u l o s. A History of Thessaloniki, p. 55; P. C h a r a n i s. On the Social Structure, p. 148—149.

весьма преувеличили их значение, повлияв и на представителей марксистской историографии. Так, например, Э. Вернер видит в *μέσοι* «мелких торговцев, зажиточных мастеров, средних и мелких землевладельцев, духовенство и т. д.». Большую часть *μέσοι*, по его мнению, составляли «мелкие и зажиточные ремесленники, мелкие торговцы, мелкие и средние городские землевладельцы и низшее духовенство», т. е. весьма значительный слой городского населения, включающий мелких торговцев и всех ремесленников, кроме беднейших¹⁴⁷. Между тем Кантакузин совершенно ясно сообщает о немногочисленности «средних» и их совершенно пассивной роли в движении¹⁴⁸. Таким образом, многочисленное и слабое «бюргерство» (потенциальный союзник городской бедноты) фактически не приняло участия в движении против феодалов и было склонно скорее к компромиссу с ними, чем с силами, выступавшими против феодалов и поддерживавшими правительство. Кроме того, источники весьма резко отличают «средних» от зилотов, а зилотов — от народных масс города¹⁴⁹. Какие же социальные слои городского населения представляли зилоты?

Согласно Э. Вернеру, это была городская беднота: бедные ремесленники, наемные рабочие всякого рода, мелкие землевладельцы, матросы и люмпенпролетариат¹⁵⁰.

Зилоты, по определению Э. Вернера, — «народная партия», состоявшая из моряков, предпринимателей, купцов, матросов, ремесленников, т. е. «из всех оппозиционных групп населения»¹⁵¹, и выражавшая, по-видимому, интересы «богатых купцов и ремесленной верхушки»¹⁵².

Если принять изложенную выше точку зрения, трудно понять, почему отсутствовало какое бы то ни было единство между социально однородными или социально близкими кругами. Зажиточные ремесленники из «средних» воздерживались от участия в движении, возглавляемом зилотами, в составе которых были также ремесленники, заботившиеся о благе ремесленной верхушки. Богатые купцы и торговцы выступали в союзе с народными массами против засилья феодалов, а «средние» стояли в стороне из боязни экспроприации¹⁵³, которой почему-то не боялись более крупные купцы и «предприниматели», входившие в состав партии зилотов.

Не вносит, на наш взгляд, ясности в понимание расстановки социальных сил в городе и мнение М. Я. Сюзюмова, согласно которому, «вокруг корпорации моряков образовалась особая партия зилотов, включавшая представителей более состоятельного городского населения — организованных ремесленников, торговцев, мелких предпринимателей» и частично духовенство и интеллигенцию¹⁵⁴. В таком случае неясно, чем же зилоты отличались от «средних»?

¹⁴⁷ Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социалистические реформы?, стр. 165. Г.-Г. Бек, анализируя содержание этого термина для XI в., причисляет к «средним» землевладельцев (*κτήτορες*), верхушку торговцев и ремесленников, «литераторов» («интеллигенцию») и служащих императорских и церковных учреждений (H.-G. В е с к. Konstantinopel, S. 21—24).

¹⁴⁸ С а н т а с., II, p. 179; III, p. 235.

¹⁴⁹ См., например, С а н т а с., III, 58, p. 355: «... οἱ ζηλωταὶ γὰρ καὶ ὁ δῆμος». См. о том же: М. Я. С ю з ю м о в. Социальная сущность, стр. 88; е г о ж е. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 36.

¹⁵⁰ Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 167. Ср. высказывания М. Я. Сюзюмова: «По-видимому, под "народом" следует понимать неорганизованное трудовое население города — наемных работников, массу одиночек-ремесленников, мелких арендаторов подгородных участков, прибывших из деревень крестьян, челядь знати» (М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о характере выступления зилотов..., стр. 28).

¹⁵¹ Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 167.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же, стр. 168.

¹⁵⁴ М. Я. С ю з ю м о в. Социальные отношения..., стр. 88; е г о ж е. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 28.

Если при этом учесть, что сомнительно само существование ремесленных корпораций в Фессалонике, т. е. организаций, включавших более богатых ремесленников, мы окажемся еще перед большими трудностями в определении каких-либо социальных градаций среди ремесленного населения.

Неучастие «средних» в движении и их склонность к союзу с феодальной аристократией дают основание предполагать, что они являлись частью торгово-ростовщических кругов, связанных с местными интересами, со служилой верхушкой города, городскими землевладельцами и их «интеллектуальной».

Основу партии зилотов составляла корпорация моряков, самая крупная и организованная в городе, а может быть, в то время — даже и во всей империи¹⁵⁵ (ибо именно Фессалоника сохранила относительную самостоятельность в морской торговле, тогда как роль столицы как торгового центра в значительной мере перешла к Галате). Зилоты были наиболее тесно связаны с правительством и интересами центральной власти¹⁵⁶. Неудивительно, что при слабости или отсутствии других корпораций она стала тем основным ядром, вокруг которого стали группироваться поддерживавшие правительство силы. Корпорация моряков находилась в непрерывном контакте с Апокавком¹⁵⁷.

Образование партии зилотов в городе было в немалой степени ответом на активизацию деятельности феодальной аристократии и предательство правителя города Синадина, задумавшего сдать город Кантакузину. Лишь угроза прямой измены и вступления Кантакузина в город вынудила зилотов поднять восстание *κατὰ τῶν δουρῶν* — против изменника-правителя и сомкнувшихся вокруг него феодалов¹⁵⁸. Синадин и большая часть знати бежали из города, зилоты взяли власть в свои руки и сразу же приняли меры, чтобы умерить народное недовольство¹⁵⁹.

К сожалению, нет достаточно ясных сведений о программе и мероприятиях зилотов. Несомненно, однако, что они не отвергали власти Константинополя — напротив, по мнению М. Я. Сюзюмова, «первоначально зилоты проявляли себя только в поддержке правительства»¹⁶⁰. Они сразу же приняли нового правителя города Иоанна Апокавка, ставленника главы центрального правительства Алексея Апокавка¹⁶¹.

Значительно более сложен вопрос о реформах зилотов. Социальный смысл их деятельности остается во многом неясным. Сведения о конфискациях и раздаче земель крупным феодалов-кантакузинистов и монастырей (как широкой социальной программе) не подтверждаются документальными источниками¹⁶². Конфискация имущества кантакузинистов как мера борьбы с ними широко практиковалась правительством. Дома их в столице подвергались разгрому. Апокавк призывал и другие города поддерживать его в борьбе со сторонниками Кантакузина, так что многие мероприятия зилотов могли быть результатом рекомендаций сверху, а не осуществлением особой «антифеодальной» их программы¹⁶³.

¹⁵⁵ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 23.

¹⁵⁶ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 36.

¹⁵⁷ С а н т а с., IV, p. 545.

¹⁵⁸ Ibid., III, p. 233.

¹⁵⁹ Ibid., III, p. 235.

¹⁶⁰ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 88.

¹⁶¹ Алексей Апокавк сам прибыл в Фессалонику (С а н т а с., III, p. 42), привезя с собой Иоанна Апокавка (Б. Т. Горюнов. Поздневизантийский феодализм, стр. 362).

¹⁶² М. А. Поляковская. Монастырские владения в Фессалонике, стр. 23. Даже если считать обвинительную речь Кавасилы направленной против зилотов, то и в ней речь идет скорее о военной, чем о социальной направленности их мероприятий.

¹⁶³ Конфискации могли быть проведены по прямому указанию Алексея Апокавка. Иоанн Апокавк, «боясь» Алексея, проводил жесткую политику в отношении фессало-

Это отнюдь не исключает значительных масштабов конфискации¹⁶⁴. Из города было изгнано около тысячи сторонников Кантакузина. Неизвестно, однако, как было использовано их имущество. То, что доходы с этого имущества могли быть обращены на нужды обороны города, ничего не говорит о принципиальном отношении зилотов к феодальной собственности.

Остается все же несомненным, что зилоты не затронули имущество еще весьма значительной части знати, которая не предпринимала активных действий в пользу Кантакузина.

То же самое можно сказать и относительно их политики в отношении церкви. Они признавали власть патриарха, поддерживавшего правительство Апокавка. Некоторые мероприятия против духовенства и монастырей, стоявших на стороне Кантакузина, могли быть также лишь актом политической борьбы с противниками правительства и патриарха.

Патриархом в это время был Иоанн XIV Калека, представитель белого духовенства, а не монашества, который поддерживал Апокавка и выступал против усиления монастырей и децентрализаторских тенденций в церкви¹⁶⁵. Его упрекали в гонении на монахов. Весьма возможно поэтому, что церковные власти Фессалоники осуществляли и здесь программу патриарха, а не зилотов: ограничение привилегий монастырей, принуждение их к расходам на оборону могло быть следствием согласованного курса политики центральной власти и патриархии. Как говорит М. Я. Сюзюмов, едва ли можно говорить «о попытках провести секуляризацию монастырских имуществ»¹⁶⁶. Частичное изъятие церковно-монастырских доходов и сокровищ на оборону и нужды городской бедноты не является мерой специфически антифеодальной, как отметил И. Шевченко¹⁶⁷. Если зилоты и смещали некоторых наиболее враждебных священников, хотя это право принадлежало патриарху, то они и принимали всех духовных лиц, которых он присылал. Ставленником патриарха был митрополит Иакинф, ревностный сторонник зилотов, сурово преследовавший церковных друзей Кантакузина. Возможно, Иакинф и провел энергичные меры против враждебного зилотам духовенства. Итак, веских данных о самостоятельном стремлении зилотов к созданию «дешевой церкви» не имеется.

Мало известно и об их деятельности в самом городе. Зилоты воспользовались начавшейся гражданской войной и народным недовольством не для антифеодального восстания. Они лишь оказали поддержку правительству и подняли народ на выступление, когда назрел открытый заговор феодалов и их сторонников. События осени 1342 г. показали, насколько тяготела к феодалам высшая правительственная администрация города. Ее постепенное сползание к союзу с Кантакузином позволяло зилотам привлечь к себе симпатии народных масс и добиться популярности. Это дало им возможность подавить заговор феодалов и правителя Фессалоники Синадина и оказаться у власти, «руководя всеми делами»¹⁶⁸.

Итак, зилоты не первыми нанесли удар феодалам, воспользовавшись удобной обстановкой, а осуществили лишь ответные меры, действуя ис-

никской знати и даже обложил ее большим денежным побором за «кантакузианство» (С а н т а с., IV, р. 572). Весьма важно, что Кантакузин не проявлял особой ненависти к вождям самих зилотов, неоднократно отмечая их умеренность (М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о характере выступления зилотов, стр. 27).

¹⁶⁴ Замечание Кантакузина, что зилоты «разорили землю» — *διεπόρθον τὴν χώραν* (С а н т а с., II, р. 570), — слишком риторично и неопределенно, как это справедливо отмечал А. П. Каждан в заметке на статью М. Я. Сюзюмова «Противоречия между плебейскими массами и зилотами» (BS, XXVIII, 1967, р. 195).

¹⁶⁵ М. Я. С ю з ю м о в. Социальные отношения..., стр. 90.

¹⁶⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 37.

¹⁶⁷ I. Š e v č e n c o. *Nicolas Cabasilas Anti-Zealot Discourse*, p. 91—125.

¹⁶⁸ С а н т а с., III, 58, р. 357.

ключительно в защиту правительства. Косвенным подтверждением этого является то, что во главе зилотов оказался представитель аристократической фамилии, возможно, родственник императора.

Весьма трудно судить и о переменах, произведенных зилотами в управлении городом, организация которого, как и формы самоуправления, неизвестны¹⁶⁹. «Насколько мы знаем, зилоты сохранили прежние учреждения, но изменили содержание их»¹⁷⁰. То, что из них были изгнаны откровенные кантакузинисты, несомненно. Сомнительно, однако, что зилоты воспользовались своей реальной властью для дальнейшего ограничения прав феодальной знати и укрепления местного самоуправления. Неизвестен, в частности, и характер созданного ими городского ополчения. Естественно, в условиях наступления Кантакузина нужно было организовывать оборону города. В принципе ополчение существовало и раньше. Но сделали ли зилоты попытку создания новой городской милиции или ограничились обычным временным вооружением части населения? Из описания всех событий в городе скорее следует, что постоянной народной милиции в городе не было и она не была создана зилотами; мало того, не были ликвидированы и собственные отряды феодалов; наконец, главной организованной военной силой в городе был отряд солдат гарнизона, находившийся, по-видимому, в подчинении правительства (правитель Фессалоники претендовал на то, чтобы солдаты выполняли его приказы). Во всяком случае, в городе находились правительственные войска Апокавка, которые, несомненно, подчинялись центральной власти¹⁷¹.

За довольно долгое время своего правления зилоты мало что сделали для политической и экономической организации торгово-ремесленного населения, для возрождения цеховых или других объединений населения города¹⁷². Корпорация моряков до конца остается главной организующей силой движения; ее разгром объясняется, видимо, и тем, что она не создала себе организованной опоры в других корпоративно-цеховых объединениях, если они существовали.

Очень трудно судить об элементах самоуправления, созданных зилотами. Что касается всенародной сходки — народного собрания (*ἐκκλησία τοῦ δήμου*), то оно формально существовало всегда, не представляя собой регулярно действующего органа. Оно созывалось в экстраординарных случаях для информации и получения одобрения действий власти¹⁷³. В действительности на этих собраниях господствовала местная знать. Нет данных о том, что зилоты хотя бы пытались превратить народное собрание в организованный и постоянно действующий орган¹⁷⁴.

Все важнейшие события в Фессалонике показывают, что, хотя народное собрание созывалось здесь при зилотах значительно чаще, оно было по-прежнему стихийным и влияние антизилотских элементов на него не было ограничено.

Что касается системы двух архонтов (правителя и ставленника зилотов), то архонт зилотов лишь оказывал поддержку правителю: вся его деятельность, по-видимому, осуществлялась через существующий аппарат

¹⁶⁹ E. K i r s t e n. Die Byzantinische Stadt, S. 38.

¹⁷⁰ Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 168.

¹⁷¹ S a n t a s., III, 58, p. 357; N i c. G r e g., XIII, 8, p. 664. Неясно также, выделяли ли военачальника города зилоты или он также назначался правительством, как это было раньше.

¹⁷² Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 171.

¹⁷³ Там же, стр. 168.

¹⁷⁴ А. К а ж д а н, Г. Г. Л и т а в р и н. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 255.

управления¹⁷⁵. Неясен и состав того совета, который, вероятно, и решал все важнейшие дела.

Одно из основных доказательств реального самовластия зилотов в городе видят в том, что после признания императором Кантакузина город отказался ему подчиняться, как и оказавшемуся в его руках законному императору. Поэтому в самой идее подчинения императорской власти иногда готовы усматривать лишь временную политическую маскировку зилотов с целью облегчить свою борьбу за независимость, автономию города. Действительно, зилоты не признали вождя феодальной аристократии даже когда он стал императором, и город фактически был независим. Но они не изгнали официального правителя города и даже не урезали сколько-нибудь существенно его полномочий, как бы демонстрируя принципиальную приверженность администрации законного императора. Их фактическая независимость, по справедливому замечанию М. Я. Сюзюмова, частично могла быть и простым следствием обстоятельств гражданской войны, слабости центральной власти, не способной в полной мере осуществить реальное руководство на местах. Зилоты были вынуждены принимать более активное участие в управлении, но ничто не говорит об их сознательном стремлении к независимости. Может быть, поэтому Григора назвал их форму правления «странной охлократией (*ὀχλοκρατία ξένη τις* ибо они не уничтожили старой и не создали новой организации управления) (курсив наш. — Г. К., Р. В.), ни аристократической, ни демократической»¹⁷⁶. Вероятно, их реальная власть и выражалась преимущественно в политическом влиянии и давлении с помощью народных масс на государственную администрацию.

Все это свидетельствует больше об оборонительном, а не наступательном характере деятельности зилотов. По мнению М. Я. Сюзюмова, «никаких реформ или широких мероприятий в пользу широких масс ни правительством Апокавка в Константинополе, ни зилоты в Фессалонике не проводили»¹⁷⁷.

Но следует учесть и то, что правительство и зилоты несколько ограничили власть и силу крупных феодалов в городе¹⁷⁸.

По-видимому, на ходе движения сказалось то, что его возглавили не ремесленники, а торговые круги, которые стремились обеспечить условия для внутренней и внешней торговли, защитить свои интересы от наступления крупных феодалов и смыкавшейся с ними служилой знати. Но эта торговая верхушка была слишком оторвана от беднейших ремесленных слоев, чтобы вести борьбу за городское самоуправление. Своими торговыми интересами эти круги были больше связаны с центральной властью, как посредником между ними и феодалами.

Поэтому радикализм зилотов нам представляется весьма относительным. Монопольная роль корпорации моряков в движении зилотов — явный показатель слабости ремесленного населения города, его бедности, разрозненности, раздробленности. Поэтому ремесленники Фессалоники не могли ни оказать организованной поддержки зилотам, ни осуществить на них действенного давления. Все это вполне понятно в условиях упадка ремесленного производства и постепенной пауперизации ремесленников и мелких торговцев, постепенно деклассировавшихся.

¹⁷⁵ Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 168.

¹⁷⁶ Nic. Greg., II, p. 796.

¹⁷⁷ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотамп, стр. 37; его же. Социальная сущность..., стр. 91.

¹⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 37.

Значительная часть городского населения эксплуатировалась феодалами, торговцами и судовладельцами¹⁷⁹. Недовольная своим положением, настроенная против феодалов, эта полукрестьянская — полугородская масса не имела, однако, никаких ясно осознанных целей в своей борьбе.

Было бы все же не совсем верно думать, что «плебейские массы Фессалоники плелись в хвосте у зилотов»¹⁸⁰. Их недовольство было значительно более острым, и зилоты по возможности сдерживали его проявление. Вероятно, все-таки давление плебейских масс в какой-то мере побуждало зилотов к более радикальным шагам, чем им хотелось.

В городе осталось много представителей знати, может быть, в основном служилой — ἐκ τῶν ἀρίστων, которые в 1343 г. подготовили новый заговор¹⁸¹. Зилоты расправились с заговорщиками, ибо Кантакузин стоял у ворот города. Обращает на себя внимание участие в заговоре «средних»¹⁸². Однако зилоты не решились казнить большинство заговорщиков — они изгнали их из города и те пополнили отряды Кантакузина¹⁸³.

По мнению Э. Вернера, главная цель зилотов заключалась в «защите города, отказе от какой бы то ни было капитуляции»¹⁸⁴. Ситуация становилась угрожающей как для еще оставшихся в городе динатов, так и для городских богачей, ибо в 1343 г., по словам Григоры, «сброд (συνφασμάδης) образовал третью прунпу (τρίτη μοῖρα)»¹⁸⁵, представители которой «не сводили жадных глаз с богачей и страстно желали утолить свою ярость»¹⁸⁶.

Обращает на себя внимание и нерешительность самого правительства Алексея Апокавка в борьбе с Кантакузином. С гибелью Апокавка Кантакузин перешел в решительное наступление, поддержанное местными феодалами. Сохранившаяся в Фессалонике знать жодияла голову. Вероятно, известное разочарование народных масс в политике зилотов дало возможность правителю Фессалоники Иоанну Апокавку произвести летом 1345 г. переворот и устранить зилотов от власти. Иоанн организовал убийство Михаила Палеолога, вождя зилотов, а затем, арестовав сподвижников Михаила, отправил послов к сыну Кантакузина и обещал ему прекратить сопротивление города на следующих условиях: свобода города от податей (ἀτέλεια κοινῇ τῇ πόλει), чины и денежные пожалования (τιμὰς καὶ προσόδους). Условия эти ни в коей мере не говорят о том, что «сторонники Апокавка добивались большей или меньшей независимости Солуни»¹⁸⁷. Они требовали награждения их обычными государственными должностями и пожалованиями, обещая передать за это Фессалонику.

Все происшедшее подтверждает, что Иоанн Апокавк сохранял реальную власть и до и после подавления заговора 1343 г.¹⁸⁸ Заговор показал, что часть, может быть, оставшейся формально лояльной к правительству знати и зажиточных кругов стала склоняться к примирению с Кантакузином. Если Иоанн Апокавк, представитель служилой аристократии, провел переворот в пользу Кантакузина, то такой акт можно рассматривать как отказ этих кругов империи от продолжения борьбы с феодалами, а также как доказательство перемен в настроениях торгово-купеческой

¹⁷⁹ В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. — «Античная древность и средние века». Сб. статей, вып. 4. Свердловск, 1966, стр. 94—116.

¹⁸⁰ М. Я. Сюзюмов. Социальная сущность..., стр. 88.

¹⁸¹ Nic. Greg., III, p. 672.

¹⁸² Cantac., III, p. 398 sq.: ... ἐκ τῶν μέσων πολιτῶν.

¹⁸³ Ibid., p. 394: ἐξήλανον τῆς πόλεως.

¹⁸⁴ Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 169.

¹⁸⁵ Nic. Greg., XIII, p. 674.

¹⁸⁶ Ibid., p. 673.

¹⁸⁷ А. П. Кождан. Аграрные отношения..., стр. 194.

¹⁸⁸ Там же, стр. 189.

верхушки, допустившей устранение Михаила Палеолога. Характерно, что новый вождь зилотов Андрей Палеолог не получил поддержки на народном собрании и должен был бежать с этого собрания, чтобы апеллировать к корпорации моряков.

Ситуация, в которой оказался Андрей Палеолог, отнюдь не говорит о сохранении приверженности народных масс к зилотам. По-видимому, народ был недоволен их социальной политикой. Народ отнесся к убийству Михаила Палеолога совершенно равнодушно¹⁸⁹. Поэтому Андрею Палеологу оказалось очень трудно вновь поднять народ. Желавшая продолжения борьбы часть зилотов, по-видимому, обратилась к проведению более радикальной политики. Во главе их встали молодые политики: Андрей Палеолог, аристократ, глава корпорации моряков, столичный (ὁ ἐπὶ τραπεζῆς), и патриций Георгий Кокала, один из родственников которого входил в ближайшее окружение Апокавка¹⁹⁰.

Судя по тем кругам, на которые опирался Андрей Палеолог, руководство движением перешло теперь к более демократически настроенной части зилотов. За ночь Андрею удалось поднять моряков и увлечь за собой народные массы¹⁹¹. С Апокавком остались гарнизон, вооруженные отряды знати и «другие граждане». Но гарнизон отказался выступить против восставших, и все бывшие с Апокавком заперлись в цитадели. Народ вступил в нее и разоружил солдат. Действия вооруженных матросов и народа против Апокавка и знатных на этом прекратились. Зилоты распустили вооруженные отряды. Иначе говоря, они опять-таки не собирались посягать на власть Апокавка как правителя и наказывать городскую знать, несмотря на то, что Апокавок и его сторонники первые перешли в наступление. Зилоты лишь лишили их возможности использовать гарнизон.

Все это позволило Апокавку захватить акрополь, но народ одержал победу. После некоторого колебания победители сбросили со стен и перебили около 100 схваченных ими знатных, первым из которых был Апокавок. В течение трех дней народ грошил дома богачей.

Судя по данным Кидониса, на сей раз восставшие расправились со многими богатыми: «Здесь раб вел своего господина, там раб вел своего купца или крестьянин стратига, сельский житель война»¹⁹². Вожди зилотов пытались удерживать народ от расправы¹⁹³. Видимо, усилилась роль более демократических элементов. «Лучшие пали, а ремесленники и дурные люди (τοῦ βαναύσου καὶ χειρόνος ... μέρους) захватили власть»¹⁹⁴. Никифор Григора даже говорит о некоем союзе, который вел за собой городскую бедноту (τὸν οὐλον)¹⁹⁵ и «призывал ее не подчиняться никаким находящимся вне города властям»¹⁹⁶. Характерно сообщение Димитрия Кидониса: «Вместе с их неожиданным обогащением возникли (курсив наш.— Г. К., В. Р.) у них и требования на участие в управлении..., и было трудно найти кого-нибудь из них, кто не хвастал бы дюжиной должностей»¹⁹⁷. Таким образом, только после разгрома Апокавка и его сторонников зилоты и ремесленники заняли места в управлении. Причем опять-таки нет известий о переменах в формах организации власти в городе. Видимо, сохранился старый управленческий аппарат, «должности» в котором теперь заняли зилоты и плебеи. Несмотря на фактически самостоятельное существование города, у нас, видимо, нет достаточных оснований говорить

¹⁸⁹ C a n t a c., III, p. 570; ὁ τε δῆμος οὐδὲν ὑπὲρ τοῦ παρόντος ἠγγανάκτησεν.

¹⁹⁰ Ibid., II, p. 581.

¹⁹¹ Ibid., III, p. 577.

¹⁹² PG, t. 109, col. 648; воин—«стратигот»-проиар.

¹⁹³ Даже Кантакузин хвалил Андрея Палеолога за умеренность (C a n t a c., II, p. 573).

¹⁹⁴ PG, t. 151, col. 12.

¹⁹⁵ N i c e G r e g., XVI., 1, p. 796.

¹⁹⁶ Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 368.

¹⁹⁷ PG, t. 109, col., 649.

не только о самостоятельной республике, но и о родившемся городском самоуправлении¹⁹⁸. Даже после событий 1345 г. зилоты сохранили должность правителя, назначаемого правительством. Ее занял Метохит.

Немалую роль в поддержании режима зилотов сыграл стоявший в это время во главе фессалоникской церкви энергичный сторонник зилотов епископ Иакинф.

Хотя реальная власть на сей раз действительно была в руках зилотов и ремесленников, они не проводили далее политики подавления уцелевшей части знати¹⁹⁹. Нет никаких оснований утверждать, что в это время «богатые классы в Фессалонике были экспропрированы»²⁰⁰. Уцелевшая знать быстро активизировалась, сплачиваясь вокруг Метохита. Метохит изгнал из города вождя зилотов Андрея Палеолога. Последний апеллировал к матросам, но они уже не поднялись. Сторонники Метохита «двинулись против жителей портового района, едва только они среди ночи узнали, что те взялись за оружие; еще до рассвета они одержали победу и выбросили противника из города. Народ грабил дома матросов... и зилотов, но никто при этом не был убит»²⁰¹.

К этому времени изменилась обстановка в Константинополе: патриарх Иоанн XIV Калека был низложен, и Кантакузин стал императором. Династы в Фессалонике усиливались, возвращаясь туда после примирения зилотов с Кантакузином в 1347 г.²⁰² Метохит постепенно подчинял себе гарнизон города и, по-видимому, отстранил зилотов от участия в управлении. Среди зилотов, очевидно, также возник раскол, немалую роль в котором могло сыграть стремление части их — может быть, торгово-ремесленных кругов — отдаться под власть Сербии.

Влияние зилотов быстро пошло на убыль. При поддержке Метохита и его сторонников Кантакузину удалось вступить в город. В речи перед народным собранием он утверждал, что «зилоты боролись против Кантакузина не с целью защитить молодого императора, а с тем, чтобы получить возможность присваивать богатства, которые они любили больше всего на свете»²⁰³. Видимо, столь важное обвинение можно было сделать потому, что «молодые» зилоты и примкнувшие к ним ремесленники, заняв места в управлении, довольно быстро оторвались от народа и постепенно утратили популярность.

Таким образом, фессалоникские события были сложным по своему социальному составу движением, в котором проявилось недовольство широких слоев городского и отчасти сельского населения. Торгово-ростовщическая верхушка вкуче со служилой аристократией пыталась воспользоваться им для ограничения растущей власти феодалов-иммунистов, но в конце концов пошла на примирение и капитулировала. Временно пришедшие к власти более демократические элементы, отражавшие интересы массы рядовых ремесленников, мелких торговцев и матросов, также не смогли ни осуществить сколько-нибудь серьезные социальные преобразования, ни упрочить профессиональные объединения торгово-ремесленного населения, ни создать какие-либо новые элементы самоуправления.

Формирующийся патрициат не сумел занять самостоятельную позицию как по отношению к феодалам-иммунистам, так и по отношению к государству и повести за собой массы городского населения. Он не имел

¹⁹⁸ Не случайно в последнем издании СМН (IV, р. 358) говорится не о Фессалоникской республике, а о «режиме зилотов».

¹⁹⁹ По крайней мере, наши источники больше о конфискациях не упоминают (Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 175).

²⁰⁰ СМН, IV, 1966, р. 358.

²⁰¹ С а н т а с., IV, р. 109.

²⁰² А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 196.

²⁰³ С а н т а с., IV, р. 117.

своей собственной ясной программы, отличной от программы правительства и феодалов, занимал колеблющуюся, соглашательскую позицию. Даже подъем антифеодалного народного движения в городе не помог ему осознать свои цели и задачи. Недовольство массы торгово-ремесленного населения, первоначально обращенное против крупных феодалов, постепенно распространилось и на соглашательскую патрицианскую верхушку. Она пошла на сговор с аристократией, окончательно предав интересы движения.

Таким образом, события в Фессалонике следует рассматривать лишь как попытку ограничения растущей власти феодалов в городе и уже только поэтому их нельзя оценивать как «социальную революцию»²⁰⁴. Участвовавшие в движении силы не ставили задачей создание элементов «нефеодалного» самоуправления. Все это существенно отличает восстание зилотов от «коммунальных революций». Оно не только «не выходило» за их рамки²⁰⁵, а скорее «не доходило» до них. В результате «коммунальных революций» ликвидировалась или существенно ограничивалась власть феодалов над городами, создавалось «нефеодалное» городское самоуправление. В Фессалонике этого не произошло.

В связи с этим нельзя, на наш взгляд, говорить о возможности победы движения в Фессалонике²⁰⁶. Победа была совершенно невозможна, и едва ли есть основания считать виновником гибели «Фессалоникской коммуны» наступление сил феодальной реакции. Фессалоникские события были во многом обязаны своим возникновением начавшейся гражданской войне, которая позволила городскому населению проявить значительную социально-политическую активность.

Однако это движение даже не создало никаких реальных предпосылок для победы, как их не было и до начала движения. Оно не вышло из стадии создания временных политических группировок с целью политического давления, не имевших прочной опоры в определенных организациях и слоях городского населения²⁰⁷.

Движение нанесло, бесспорно, сильный удар по феодальной аристократии города. В известной мере это было народное классовое выступление, воспоминание о котором повлияло как на взгляды и политику господствующих классов Византии последующего времени, так и на воззрения народных масс.

Вернемся к сопоставлению восстания зилотов с восстанием во Флоренции и других городах Италии. Восстание чомпи было отчетливо выраженным выступлением предпролетариата против господствовавшего во Флоренции «жирного народа» (*popolo grasso*). Предпролетариат выдвинул свою программу, направленную на защиту интересов наемных рабочих Флоренции²⁰⁸. Основными ее пунктами были: увеличение заработной платы на 50%, ликвидация ненавистной полицейской должности чужеземного чиновника — ставленника владельцев сукнодельческих мануфактур, организация оплачиваемого народного ополчения и организация цеха наемных рабочих²⁰⁹, что давало им официально оформленное право «принимать участие в управлении государством»²¹⁰. Чомпи не боролись за полную ликвидацию старых порядков и учреждений, они не ставили перед

²⁰⁴ См., например, G. O s t r o g o r s k y. Geschichte..., S. 421.

²⁰⁵ М. Я. С ю з у м о в. Борьба за пути..., стр. 60.

²⁰⁶ М. В. Л е в ч е н к о. История Византии, стр. 245; Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 202.

²⁰⁷ См., например, P G, t. 151, col. 12.

²⁰⁸ N. R o d o l i c o. I Ciompi. Una pagina di storia del proletariato operaio. Firenze, 1945; В. И. Р у т е н б у р г. Народные движения в городах Италии.

²⁰⁹ В. И. Р у т е н б у р г. Народные движения..., стр. 172—175.

²¹⁰ А. А с с и а и о л а. Cronica 1378: «E anche dicono, che vogliono avere parte nel reggimento della città». Il Tumulto dei Ciompi.—«Raccolta degli storici italiani», nuova ed., t. XVIII, par. III. Bologna, 1934, p. 21.

собой задачи уничтожения эксплуататоров. Чомпи добивались равных с хозяевами политических прав и повышения оплаты труда²¹¹. В условиях XIV в. эта программа была радикальной, так как речь шла об участии наемных рабочих в политической жизни. И чомпи добились этого. Только нелегкий опыт показал им опасность компромиссов с хозяевами и политическими врагами. На последнем этапе восстания, в августе 1378 г., чомпи пришли к выводу о необходимости создания собственного правительства, которое и было сформировано под названием «Восьми святых божьего народа»²¹². Это правительство пыталось поставить под свой контроль все остальные правительственные учреждения. Отход рядовых ремесленников (мелких собственников) от чомпи (наемных рабочих), программа которых для первых была слишком радикальной, умело использовал «жирный народ»; предательство Микеле ди Ландо привело к разгрому одного из первых и самых крупных восстаний предпролетариата²¹³. Таким образом, восстание чомпи принципиально отличается от движения в Фессалонике как по социальному характеру, так и политической форме.

Пожалуй, наиболее общим в обоих восстаниях была их антифеодальная направленность. Эта борьба была закономерной и в Византии, где феодалы господствовали безраздельно, и в наиболее развитых районах Италии, где уже возникли раннекапиталистические отношения. Однако феодализм в Италии был далеко еще не ликвидирован. Даже в передовых центрах Италии в окружении мануфактурной промышленности сохранялись феодальные хозяйства²¹⁴. Сложность социально-экономических отношений во Флоренции заключалась в том, что феодальные семьи сблизилась с пополанскими не только по родственной линии, но и по хозяйственному профилю. Поэтому чомпи на последнем, августовском этапе восстания требовали, чтобы «ни один рыцарь не мог получить какой-либо должности»²¹⁵. Поэтому были подвергнуты распродаже земли и имущество мятежников в августе 1378 г.²¹⁶

Чомпи были более последовательными борцами против феодальных порядков, чем «жирные попопаны», фактически управлявшие тогда Флоренцией²¹⁷. Это направление борьбы не было для чомпи основным, но оно важно для верной оценки таких сложных событий, как народные движения в условиях первого расцвета мануфактур, когда феодализм в целом еще господствовал в Италии.

В восстании зилотов антифеодальный протест окрестного крестьянства и городской бедноты слился с недовольством городской верхушки, стремившейся помешать переходу пригородных и внутригородских земель в руки феодалов. Дома крупных феодалов были разгромлены, сами они изгнаны из города, владения их конфискованы. Но ничто не доказывает, что в результате этого усилилось городское землевладение.

Может быть, с несколько большими основаниями можно сравнивать движение зилотов с генуэзской «революцией» 1339 г.²¹⁸ хотя и для нее это название весьма условно. В XII в. торгово-ремесленное население Генуи укрепило свое положение и стало теснить феодальную знать. В нача-

²¹¹ N e r i D o n a t o. Cronica Sanese.— «Rerum Italicarum Scriptores» (далее RIS), t. XV, Mediolani, 1729, p. 224; A. A s s i a i o l i. Op. cit., p. 21.

²¹² В. И. Р у т е н б у р г. Народные движения..., стр. 240—251.

²¹³ Там же, стр. 251—281.

²¹⁴ Там же, стр. 148—149.

²¹⁵ «... che niuno cavaliere non potesse avere niuno uficio» (Cronica prima d'Anonimo.— RIS, t. XVIII, par. III, Citta di Castello, 1912—1913, p. 80; Ibid., Aggiunte, p. 32).

²¹⁶ Архив ЛОИИ АН СССР, Зап.-европ. секция, к. 5, 3/173.

²¹⁷ В. И. Р у т е н б у р г. Чомпи и гранды.— Сб. «Положение народных масс в Италии». М., 1966, стр. 171—178.

²¹⁸ См., например, Э. В е р н е р. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?, стр. 199—200.

ле XIII в. на передний план выдвинулись новые фамилии из среднего купечества²¹⁹. В конце XIII в. установилось смешанное правление феодалов и пополанов (торгово-ремесленного населения) с преобладанием первых. В конце сентября 1339 г. начались серьезные волнения пополанского населения Генуи. Феодалы были вынуждены созвать народное собрание. Оно создало комиссию для выборов «аббата» — защитника народа. Выборы происходили во дворце, окруженном толпой народа. Избрание Симоне Бокканегра означало фактически установление его сеньории, пожизненной должности дожа, т. е. на деле власть перешла к пополанам. Наиболее важным решением, принятым в дни восстания, было лишение феодалов политических прав и ссылка некоторых из них. Однако лишенная политических прав, но сохранившая огромные земельные владения знать продолжала влиять на политическую жизнь республики. В 1344 г. Симоне Бокканегра был вынужден отказаться от власти, а посредничество сильного Милана привело к длительному подчинению Генуи его политике. В следующем десятилетии Генуя снова приобретает самостоятельность²²⁰.

Таким образом, в Генуе имело место организованное выступление торгово-ремесленного населения, уже участвовавшего в управлении наравне со знатью и стремившегося обеспечить пополанам политическое господство в республике. Цель эта была достигнута²²¹. Иначе говоря, движение в Генуе характерно для более высокой ступени социального развития города, до которой Фессалоника была еще очень далека.

В литературе последних лет влияние движений в итальянских городах на события в Фессалонике признает М. Я. Сюзюмов. Но он ссылается при этом на крайне специфичное даже для условий Италии движение Кола ди Риенцо: «Единственно сравнимым движением, — пишет он, — (с точки зрения борющихся сил и политической обстановки) было бы выступление Кола ди Риенцо, почти совпадавшее по времени с гражданской войной в Византии: относительная слабость буржуазных элементов в Риме и Фессалонике, необходимость поддержки со стороны центра — константинопольского правительства в Фессалонике и папы в Риме, двойственность управления в Фессалонике (Палеолог и Апокавк) и в Риме («брат Раймонд и любезный сын Николай»), общая цель — ослабление мощи феодалов»²²².

Но стоит обратиться к старым работам А. Петрункевич и В. Н. Максимова, а особенно к недавним исследованиям Й. Мацека, чтобы убедиться в том, что отмеченные параллели имеют лишь внешний характер²²³.

Прежде всего, папская власть в Риме не равноценна власти византийского императора; поддержка папы была нужна римскому трибуну, чтобы с еще большей самостоятельностью осуществлять свою политическую программу. О какой-либо двойственности правления не может быть и речи. В крайне непоследовательной борьбе с феодалами ставилась утопическая цель утвердить власть «римского народа», объединив вокруг «Вечного города» всю Италию. И в ходе и в итогах восстания не было никакого существенного сходства с восстанием зилотов.

Восстание Кола ди Риенцо было также антифеодалным. Но это был заговор небольшой группы, использовавшей недовольство населения и

²¹⁹ С. А. Чурсина. Генуэзская торговля и купечество во второй половине XII — начале XIII в. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 16.

²²⁰ М. А. Гук ов с к и й. Итальянское возрождение, т. I. Л., 1947, стр. 195—197.

²²¹ «Очерки истории Италии». М., 1959, стр. 60—62.

²²² М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 35.

²²³ А. Петрункевич. Кола ди Риенцо. СПб., 1909; В. Н. Максимовский. Кола ди Риенцо. М., 1936; J. M а с е к. Racines sociales de surrection de Cola di Rienzo.— «Historica», VI. Praha, 1963; i d e m. Petrarque et Cola di Rienzo.— «Historica», XI. Praha; 1965.

провозгласившей республику. Если у зилотов так и не сложилось четкой программы, то Кола ди Риенцо с самого начала пытался осуществить разработанную им утопическую социально-политическую программу. Основанная на античных идеалах, она мало соответствовала реальным условиям и интересам примкнувших к нему пополанских кругов, что в конце концов привело Кола ди Риенцо к авантюристической диктатуре и поражению.

Сравнивать восстания Кола ди Риенцо и зилотов, пожалуй, можно только с точки зрения влияния античных традиций. Античные идеалы свободы, в частности память о величии республиканского Рима, помогли на время сплотить римских горожан, но эти идеалы оказались неприменимы в реальной действительности в силу феодальной отсталости Рима и политической незрелости пополанских элементов.

Что касается движения зилотов, то здесь также, по-видимому, сказалось еще очень слабо изученное для этого времени влияние античных²²⁴, а точнее — позднеантичных традиций. Хотя в некоторых византийских городах, как было сказано, значение корпораций могло временами возрасти, они так и не приобрели самостоятельного значения в политической жизни города. Может быть, этому мешали и старые традиции существования группировок — партий, объединенных вокруг государственной администрации и лишь время от времени вовлекавших широкие массы городского населения в свою борьбу, не давая народному собранию приобрести сколько-нибудь постоянное и самостоятельное значение²²⁵. По старой традиции политическая активность городского населения проявлялась в создании лишь временных политических группировок в народном собрании и в городе. Но эта традиция была обязана своим сохранением отсутствию четкой социальной оформленности «чисто» городских слоев населения поздневизантийского города, их интересов, как мы уже видели выше.

Таким образом, в обоих случаях влияние античных или позднеантичных традиций оказалось в конечном счете отрицательным.

Сравнение движения зилотов с восстаниями в итальянских городах показывает невозможность проведения между ними прямых аналогий. Они совпали лишь во времени при наличии самого общего сходства обстановки, поскольку как в Западной, так и в Восточной Европе в целом еще господствовали феодальные порядки. На нынешней стадии изучения восстаний зилотов, чомпи, генуэзцев и Кола ди Риенцо сопоставление их возможно только для того, чтобы уяснить различия между этими движениями. Однако и здесь требуются еще дополнительные и углубленные исследования специфики каждого из них.

²²⁴ Об античных традициях см. М. Я. С ю з м о в. Борьба за пути..., стр. 61.

²²⁵ Характерно, что византийцам XIII—XIV вв. и в голову не приходила мысль о возможности сравнения современного им византийского городского «народного собрания» с античным. Многие византийские идеологи осуждали «афинскую демократию» (например, Метохит) как политически слабый режим. Примечательно, что Метохит вспомнил о ней только в связи с событиями в итальянских городах. Следовательно, там, в отличие от Византии, он усматривал некоторое ей подобие (R. B r o w n i n g. Greeco-ancient and mediaeval. An inaugural Lecture delivered at Birkbeck College. London, 1966, p. 13).

Согласно материалам, рассмотренным Л. П. Рейбо, в византийских крупных городах XIV в. не существовало народного собрания как постоянно действующего органа, а продолжали сохранять свое значение в политической жизни группировки, наследовавшие не только традиции древних византийских партий, но и даже некоторые формы их организации (см. Л. Р. Р а у б а у д. Op. cit., p. 140—145).